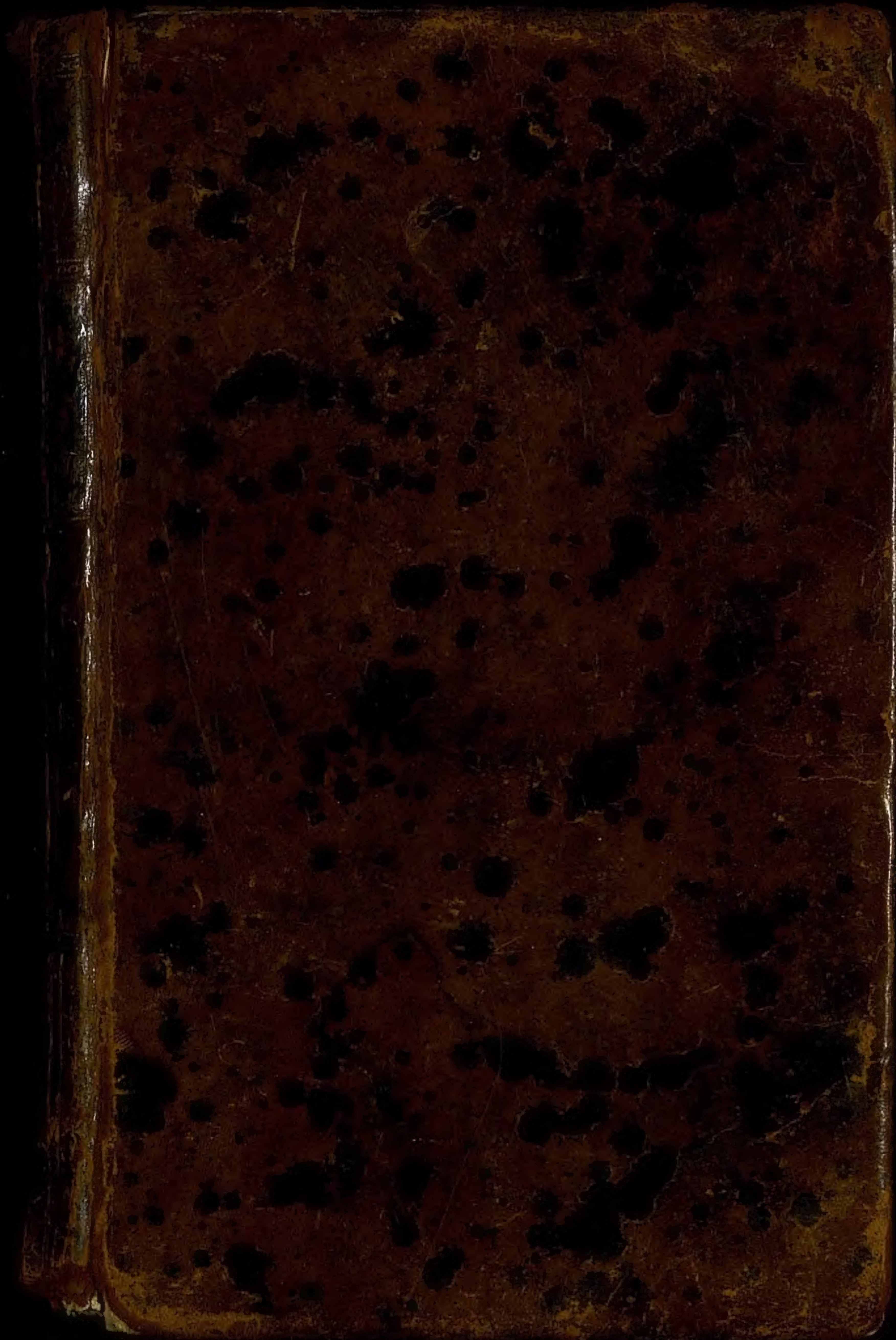

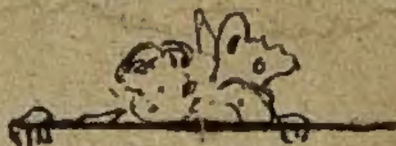
ДОБРОДѢТЕЛЬНАЯ ЖЕНА

ИЛИ

РАСПУТНЫЙ,

ЛЮБОВІЮ ИСПРАВЛЕННЫЙ.

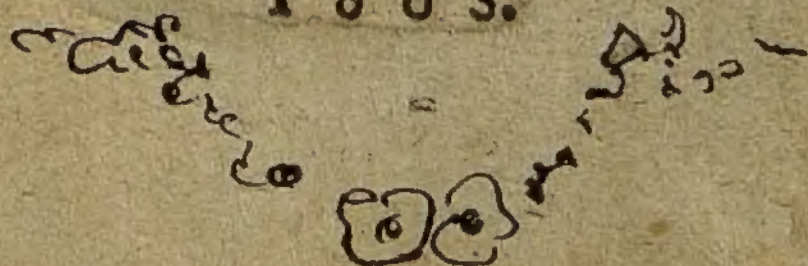
Сочиненіе Г. Арнода.

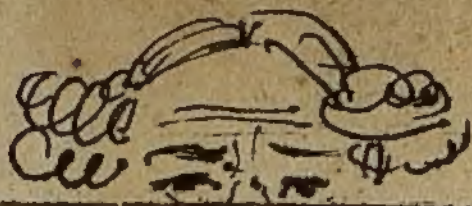
Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Сенатской Типографіи
у Селивановскаго.
1803.

Съ одобренія
Московской Ценѕуры.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ежедневно почти издаются такія сочиненія, которыя стараются изъяснять намъ бѣдственныя слѣдствія порока и развратности; которыя заставляютъ насъ оплакивать нещастный конецъ распутныхъ и развратныхъ людей. Тамо бѣшеный оканчиваетъ дни свои поединкомъ; здѣсь изступленный пресѣкаетъ жизнь свою самоубійствомъ, или несетъ голову на эшафотъ и гибнетъ отъ руки палача. Индѣ нечаянная смерть постигаетъ молодаго человѣка посреди его распутствѣ, а безпутной умираетъ въ своихъ порокахъ. Но всегда страхи, всегда убивства, всегда насильственныя кончи-

ны. Внимая нашимъ романописателямъ, кажется, что сколь скоро однажды погрѣшишь, то уже не возможно обратиться на истинный путь, и что всеконечно должно умереть въ заблужденіи и развратности. Не столь однакожъ рѣдко виданы исправительныя примѣры даже въ самыхъ порочныхъ людяхъ. Была бы та истинна, весьма оскорбительная для человѣчества, слабыя души приводящая въ уныніе, а для обладаемыхъ страстями весьма отчаянная, естьли бы представлять намъ ее непрестанно подъ различными только нещастіями. Надлежитъ безъ сомнѣнія устрашать злыя и упорныя сердца живыми и поразительными описаніями золъ и нещастій, неминуемо за развращеніемъ слѣдующихъ;

но для чегожъ не полагать притомъ по другую сторону сихъ трогательныхъ и плачевныхъ картинъ, утѣшительнѣйшихъ изображеній, и по мнѣнію моему, столь же приличныхъ душѣ, разрѣшившейся отъ узъ порока и нечестія, оставившей свое заблужденіе и поставляющей прочное и прямое блаженство въ благоразумномъ и порядочномъ поведеніи.

Что до меня касается, я думаю, что исторія человѣка, впадшаго отъ самой юности въ заблужденіе и легкомысліе, препроводившаго молодость въ безпорядкахъ, предавшагося всѣмъ очарованіямъ, впечатлѣніямъ и всѣмъ ложнымъ въ жизни утѣхамъ; потомъ же вдругъ остановившагося среди заблужденій, пробудившагося отъ усыпленія

и надежнымъ шагомъ вступившаго на путь добродѣтели, усердно и искренно прилѣпившагося къ мудрости и благоразумію, съ твердою рѣшимостію не отступать отъ нихъ, не взирая на осмѣяніе и свистъ развратниковъ, не смотря на повелительный вопль и ропотъ склонностей и страстей своихъ, думаю, говорю я, что исторія такого человѣка была бы наставительнѣйшая и приличнѣйшая для нашего вѣка, описала бы лучше настоящіе наши нравы, болѣе бы ободрила порочныхъ выйти изъ блата распутства, и гораздо удобнѣе привела бы ихъ къ жизни тихой, умѣренной и чуждой смятенія и угрызеній, чѣмъ толикія восклицанія противу безпорядковъ молодости, чѣмъ толико огор-

чительныя и безполезныя о всеобщемъ развращеніи нравовъ разсужденія, чѣмъ вся сія галлерея плачевныхъ и отвратительныхъ картинъ, гдѣ взору ничего инаго не представляется, кромѣ трагическихъ приключеній, сопутствовавшихъ иногда своеволію и развращенію нравовъ, и гдѣ позорище всегда однимъ только смертоубійствомъ оканчивается. Не станемъ вселять въ сердца устрашенія, ужаса и отчаянія, а постараемся лучше возродить въ нихъ кроткій миръ, ласкательную надежду, великодушное ободреніе. Не довольно ли уже нещастны злыя и тѣмъ, что злы, и надлежитъ ли заставлять ихъ думать и предвѣщать, что они никогда лучшими сдѣлаться не могутъ,

и что одна только смерть окончитъ злодѣянія ихъ.

Перебирая бумаги одного изъ друзей моихъ, коего кончину я до нынѣ еще оплакиваю, хотя онъ сдѣлалъ меня единственнымъ своимъ наслѣдникомъ, нашелъ я связку писемъ подъ названіемъ: *Примѣчанія достойныя письма и записки распутной женщины, обратившейся отъ заблужденій своихъ, писанныя его самою.* Сіи двѣ рукописи, служащія одна для другой, показалися мнѣ и отвѣтствующими тому предмету, о которомъ размышлялъ я давно, и котораго нигдѣ не находилъ открытаго во всей ясности. Я началъ приводить ихъ въ тотъ порядокъ, которой бы чтеніе оныхъ пріятнымъ могъ сдѣлать: много я

отмѣнялъ, рѣдко же что-либо прибавлялъ. Мѣста, показавшіяся мнѣ нѣсколько темными, я старался объяснить, плодовитость же которыхъ показалась бы для читателей скучною, я сократилъ. Напослѣдокъ легкій мой трудъ учинился достаточнымъ для приведенія сихъ двухъ рукописей въ то состояніе, чтобы принести его въ даръ обществу. Первую выдаю я подъ названіемъ: *Добродѣтельная жена, или распутный любовсїю исправленный.* Сіе наименованіе показалося мнѣ больше приличнымъ нравственному содержанію, составляющему основаніе всей переписки, и гораздо истиннѣе подастъ идею о матеріи, которая въ сихъ письмахъ изслѣдывается. Въ самомъ дѣлѣ узрять тутъ благороднаго мо-

жðдаго человѣка, съ благополучными и честными расположеніями; съ откровеннымъ и добрымъ сердцемъ, вовлеченнаго во тьму заблужденій, впадшаго въ бездну порока и постыдныхъ утѣхъ, силою примѣра и пагубнымъ ослѣпленіемъ столь сильно молодыхъ людей развращающихъ; но наконецъ любовь, которая, по мнѣнію госпожи Помпадуръ, *дѣлаетъ героями и мудрецами*, отъемлетъ завѣсу заблужденія и очарованія, исторгаетъ отъ обаяній безпутной и развратной жизни и принуждаетъ его слѣдовать добродѣтели и благоразумію, къ коимъ и остается онъ навсегда прилѣпленнымъ, не смотря на адскія ухищренія, употребленныя для удержанія его въ постыдныхъ узахъ развращенія,

или чтобъ паки потопить его въ путинѣ распутства, отъ котораго онъ по щастію освободился; и не смотря на то, что въ теченіе трехъ лѣтъ теряетъ онъ надежду соединиться съ добродѣтельнѣйшею женщиною, внушившею въ него любовь, заставившею уклониться отъ прежнихъ заблужденій, покинуть распутство и почувствовать склонность къ истинному добру, къ честнымъ наслажденіямъ и къ прямому благополучію.

Теперь можетъ статься, спроситъ кто-либо меня: какъ я думаю, вымышленная, или подлинная сія переписка? Отвѣтствую: сомнѣнія мои въ разсужденіи сего подобны тѣмъ, каковыя Женевскій гражданинъ оставилъ о достовѣрности *пи-*

семъ двухъ любовниковъ, обитавшихъ при подошвѣ Альпїйскихъ горъ. — Я также скажу, какъ и онъ, возьми и читай. Что же до моего мнѣнія касается, ежели судить о дѣяніяхъ по способу, каковымъ оныя представлены, и также по слогу писемъ: то думаю, что надлежитъ почесть ихъ истинными, и вразсужденіи мнѣнія и сужденія о семъ тотъ же ЖанъЖакъ снабжаетъ меня доводомъ. „Читай, говоритъ онъ въ пред„увѣдомленіи, любовное письмо, „составленное въ кабинетѣ со„чинителемъ, желающимъ пока„зать свое остроуміе; ежели „онъ хотя нѣсколько воспламе„ненъ, письмо его, какъ гово„рится, хочетъ сжечь бумагу; „но жаръ не далѣе однакожъ „будетъ простираться, какъ

„только очаруетъ тебя прелестію, и приведетъ можетъ статься въ сотрясеніе, но „преходящимъ и сухимъ дѣйствіемъ, которое кромѣ словъ „ничего по себѣ не оставляетъ. „Напротивъ же письмо истинно „страстнаго любовника будетъ *несвязно, многорѣчиво*, „*продолжительно, безпорядочно* и „*все въ повтореніяхъ*. Сердце его, „преисполненное чувствованія, „изъ границъ выходящаго, пересказываетъ всегда одно и никогда не оканчиваетъ, подоб„но источнику воды, непрестанно текущему и никогда не „пресыхающему. Нѣтъ въ немъ „ничего ни чуднаго, ни отмѣнного; при чтеніи онаго не замѣчаешь ни словъ, ни оборотовъ, ни сплетѣнія рѣчей; но „между тѣмъ чувствуешь душу

„смягчающуюся, трогаешся не-
„вѣдомо чѣмъ. Ежели и не по-
„ражаетъ насъ сила чувство-
„ванія, то истинна его насъ
„трогаетъ, и такимъ-то обра-
„зомъ сердце сердцу говорить
„умѣетъ. Любовь ничто иное
„какъ мечта, она творитъ се-
„бѣ такъ сказать, другую все-
„ленную; окружаетъ себя пред-
„метами не существующими,
„или которымъ она одна даетъ
„бытіе, и поелику полагаетъ
„она всѣ свои чувствованія
„токмо въ образахъ: то и языкъ
„ея завсегда образный, но сіи
„образы не точны и не послѣ-
„довательны суть. Краснорѣчіе
„ея заключается въ безпоряд-
„кѣ... Воспаленіе составляетъ
„послѣдній степень страсти.
„Когда оное достигнетъ до
„высочайшей своей степени,

„то видитъ предметъ свой „*совершеннымъ*,, дѣлаетъ его то„гда *идоломъ* своимъ и помѣ„щаетъ его въ *небесахъ*. Въ „сихъ восторгахъ, окруженныхъ „столь вышеестественными об„разами, станешъ ли любовникъ „говорить низкими реченїями, „рѣшится ли унизить и сдѣ„лать презрѣнными понятія „свои *простонародными словами?* „Не возвыситъ ли онъ гласа „своего; не придастъ ли ему „*благородства* и *достойности*? „Въ письмахъ къ любимой особѣ „можно ли держаться писмен„наго слога? Ибо это уже боль„ше не письма, но гимны.„

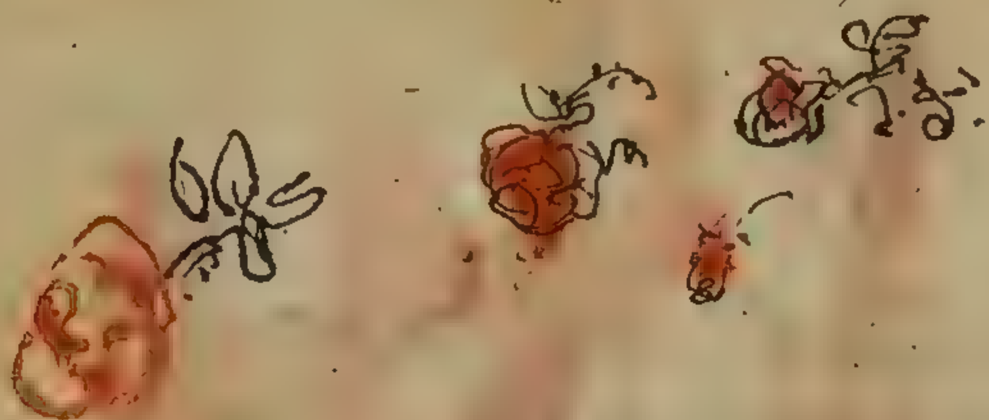
По прочтеніи сего извлеченія, пускай самъ рѣшитъ читатель, нравятся ли ему сіи отличенныя особыми буквами изъясненія. Ежели онъ моего мнѣ-

нія, вопросъ рѣшенъ; естьли же думаетъ инако, то я не въ состояніи вывести его изъ недоумѣнія. Признаюсь, что лица мнѣ совершенно незнакомы, и я даже не слыхивалъ о приключеніяхъ, о которыхъ здѣсь разсказывается; но говоритъ Руссо: важно ли то, что подлинная или вымышленная сія переписка, дѣло въ томъ только, хороша или худа книга, прочее же совершенно не нужно. Мнѣ же и совсѣмъ не принадлежитъ рѣшеніе сего вопроса.

Что касается до *приключеній Зюлимы, или записокъ одной развратной женщины, обратившейся отъ своихъ заблужденій, писанныхъ ею самою*; я рѣшуся выдать ихъ въ свѣтъ, смотря по тому какъ сей опытъ будетъ принятъ публикою. Зюлима въ

семъ первомъ сочиненіи играетъ довольно важное лице, слѣдовательно заслуживаетъ, чтобы читатели покороче познакомились съ сею сластолюбивою женщиною, оставившею распутную жизнь и содѣлавшеюся добродѣтельною. Я осмѣливаюсь надѣяться, что снисхожденіе читателей не принудитъ меня сокрыть отъ очей ихъ сихъ записокъ, писанныхъ безъ всякаго корыстолюбиваго намѣренія, но съ благородною искренностію; и что придадутъ они вящшую силу тѣмъ истиннамъ кои найдутся разсѣянными въ цѣломъ составѣ сего сочиненія.

ПИСЬМО I.

Отъ Маркиза Алозана къ Шевалье Марлейлю.

Ахъ! Шевальє, что случилося со мною въ твое отсутствіе! какую новость имѣю я сообщить тебѣ! сколь ты удивишся, да едва ли и повѣришь тому! Страшусь, чтобы признаніе мое не побудило тебя издѣваться надо мною. Ахъ! сожалѣй о мнѣ паче и потщись возвратить мнѣ разсудокъ. Я весьма достоинъ соболѣзнованія твоего и крайнюю имѣю нужду въ благоразумныхъ совѣтахъ твоихъ.

Тебѣ извѣстно, что едва достигъ я до того щастливаго возраста, въ которомъ человѣкъ становится уже не чуждымъ самому себѣ, и начинаетъ чувствовать, что между имъ и подобными ему существуютъ необходимыя связи: то отправился въ столицу, по такимъ обстоятельствамъ, воспоминаніе коихъ былобъ для тебя безполезно.

Рожденъ будучи въ сложенiемъ горячимъ, душею огненною, сердцемъ чувствительнымъ и сильнѣйшими страстями, я предался тамо всѣмъ моимъ вкусамъ, хотѣлъ удовольствовать всѣ свои желания, думалъ насытить сердце мое всѣми услажденiями и посвятить утѣхамъ всѣ минуты весенняго возраста моего. Поглощая сiю обманчивую философию, принаровленную столь искусно къ склонностямъ человѣческаго сердца, и которая влѣсно тягостныхъ должностей и превосходныхъ чувствованiй, столь мало сродныхъ, какъ говорятъ, счастiю, предлагаетъ единую токмо радость, утѣшение, изобилие, свободу, довѣренность, чистосердечие, откровенность, единство, равенство, единообразность, прiятное согласiе сердецъ, соединенiе воль, я прослылъ, что называется въ свѣтѣ *милымъ повѣсою*, и что мы именуемъ между собою *человѣкъ безъ предразсудковъ* или *истинно мудрый*. Съ необыкновенною ревностiю, единственною, такъ сказать, въ своемъ родѣ, воспрiялъ я ученiе любострастнаго Эпикура, и безъ осторожности отдался руководству изобрѣтателей утѣхъ. Въ мудрости ихъ нашелъ я простоту, умѣренность, прiятность

и, сказать ли, истинну, обольстившую меня и заведшую горазто далѣе, нежели я думалъ. Доводы ихъ меня поколебали, а описаніе провождаемой ими жизни совершенно меня плѣнило. Съ того времени предавшись служенію сладострастія, сдѣлался я знаменитъ между его поклонниками.

Такимъ образомъ въ цвѣтѣ юныхъ моихъ лѣтъ предавался я повсемѣстно увеселеніямъ всякаго рода; насыщалъ чувства мои различными утѣхами, довольствовалъ сердце несказанными пріятностями, оживлялъ его сладкими ощущеніями, возбуждалъ сладострастными восторгами, впечатлѣвалъ въ него пріятныя побужденія и питалъ восхищеніями сластолюбія и любви.... Любви! ахъ! я обманывалъ себя! Сіе превосходное чувство никогда сердца моего не занимало! Мнѣ твердили, что надлежитъ изгнать любовь, яко соперницу истинному веселію. Сколько разъ самъ ты, достойный воспитанникъ Сибаритовъ, представлялъ мнѣ любовь, яко мучительницу и страшную гонительницу щастія. Убѣгай, говаривалъ ты мнѣ, убѣгай взоровъ Пафскаго Божка; дуновеніе его заразительно, улыбка вѣроломна, ласканія сокрываютъ мрач-

пую злобу; внушаемыя имъ чувствованія причиняютъ безуміе, всеобщее воспаленіе, смущаютъ душу, разрушаютъ согласіе чувствъ, уничтожаютъ свободу, сіе единственное благо человѣка, безъ котораго вся жизнь была бы продолжительное токмо послѣдствіе нещастій, скорбей и страданій. *Утѣшеніе, утѣшеніе*, другъ мой! вотъ великій возбудитель натуры, верьховная сила (єжели можно такъ назвать) все оживляющая, чрезъ которую все дѣйствуется, все дышетъ, все возобновляется: се есть всеобщій пламень, разліянный Превѣчнымъ во всѣ творенія со вдуновеніемъ жизни. Прелесть священная, происходящая непосредственно изъ натуры, и все, что ни существуетъ во вселенной, безъ принужденія и насилія соединяющая!

Внимая твоимъ урокамъ, я спознакомливался токмо съ сими разсудительными женщинами и философками, которыя заслали любовь въ землю мечтаній, и которыя отъ любовниковъ своихъ не требуютъ иныхъ чувствованій, кромѣ таковыхъ, каковыя сами ощущаютъ. Можетъ быть, что въ такомъ съ ними обращеніи, я ничего кромѣ нѣкоего услажденія не чувствовалъ; но по крайней

мѣрѣ и утѣхъ моихъ ничто не возмущало. Любовницъ моихъ видѣлъ я безъ восторга, безъ упоенія, безъ любви; оставлялъ безъ скуки и безъ нетерпѣливаго желанія опять съ ними видѣться. О блаженное состояніе! въ которомъ среди самыхъ утѣхъ своихъ владѣешь собою, и провождаешь жизнь безъ страха, безъ заботы и безъ огорченія!

Вотъ каковъ я былъ, и каковымъ уже болѣе не есмь. О другъ мой! какимъ образомъ описать тебѣ сію перемѣну? Какъ изобразить новое, занимающее меня чувство? — Къ изъявленію всего того, что со мною случилось, тѣхъ неизвѣстныхъ движеній, кои испытываю, тѣхъ несслыханныхъ восторговъ, тѣхъ сильныхъ желаній, въ смятеніе меня повергающихъ, могутъ ли быть достаточны каковыя изъясненія? Однимъ словомъ сказать: я влюбленъ. Присовокупи къ тому, что любовь моя столь сильна и жестока, что лишила меня разсудка. Ахъ! оправдываются теперь частыя твои предсказанія, что я буду *нещастенъ*, естьли не уклонюся отъ убійственныхъ стрѣлъ крылатаго божества! и такъ суди мой другъ! достоинъ ли я сожалѣнія, и справедливо ли требую

помощи отъ твоей дружбы, совѣтовъ отъ благоразумія твоего?

Прїидижъ, любезной Мармейль, прїида настроить паки пружины разсудка моего, возстановить въ умѣ моемъ равновѣсїе, и излить въ душу мою бальза въ благотворной твоей философіи. Я теперь предметъ работы твоей: страшусь, чтобы она больше еще не повредилась, ежели не поспѣшишь своимъ прїѣздомъ поправить то, что она въ отсутствіе твое претерпѣла.

Парижъ 22 Іюня 178.

ПИСЬМО II.

Отвѣтъ отъ Шевалье Мармейля.

Ты влюбленъ! безъ сомнѣнія ты хочешь смѣяться надо мною да въ кого, ежели смѣю спросить? Что за отличный предметъ возжегъ въ тебѣ пламень? Что за жемчужина драгоцѣнная, что за личико прелестное, что за восхитительная красота, которая причинила сіи *неизвѣстныя движенія, неслыханныя*

изступленій, безмѣрныя желанія, жестокую и неукротимую любовь, и всѣ оныя романическія чувствованія, коими, по словамъ твоимъ, ты преисполненъ? Надобно весьма сильному быть изступленію, когда оно воспрепятствовало тебѣ увѣдомить меня, что это за рѣдкое существо, которое столь живо тебя воспламенило? Тебѣ вѣрно хочется, чтобы я представилъ оное себѣ Ангелскимъ твореніемъ, воздушнымъ существомъ, или какимъ нибудь духомъ; или подумалъ, что ты плѣнился сомнительною славою *женолюбивыхъ сочинителей*, безмѣрною хвалою остроумцевъ, самохвальствомъ мѣлкихъ пиитовъ, или мнимымъ щастіемъ занимающихъ знатныя мѣста людей, или наружнымъ благополучіемъ богачей и обманчивымъ удовольствіемъ придворныхъ. Можетъ быть овладѣло нечаянно слабымъ твоимъ мозгомъ влеченіе Магнетизма, Лунатичества, просвѣщенія, воздушныхъ шаровъ, и всѣхъ чудныхъ изобрѣтеній, дѣйствующихъ, возмущающихъ и перемѣняющихъ важныя Парижскія головы. Почемъ знать, вы люди систематическіе, и возвышенное ваше воображеніе носится непрестанно во странѣ мечтатель-

ны

ностей. Вы пристрастны ко всякимъ влеченiямъ и дурачествамъ, на умъ вамъ приходящимъ. Самыя непостижимыя глупости, когда предупрежденной вашъ разсудокъ ихъ принимаетъ, кажутся вамъ такими истиннами, кои неизвѣстны прочимъ, и открытие которыхъ ради нашего блаженства предоставлено токмо вашей прозорливости и проницательности.

Но поговоримъ не шутя. И такъ въ самомъ дѣлѣ прилѣпился ты къ одному изъ тѣхъ странныхъ существъ, коихъ женщинами называютъ, сдѣлался вдругъ истиннымъ романическимъ героемъ? Право это забавно! признаюсь, что къ таковому необыкновенному превращенiю я не приготовился. Бѣдной Алозанъ! ты съ ума сошелъ! Прикажи поскорѣе пустить себѣ три тарелки крови: вотъ лучшей мой тебѣ совѣтъ, и одно, извѣстное мнѣ лѣкарство для твоей болѣзни. Скажи, храбрый Донъ-Кишотъ! не намѣрена ли Дульцинея твоя отправить тебя странствовать? Не требуетъ ли она, что бы ты подобно Ламанхскому Герою, отправился искать отважно приключенiй, разсѣкать исполиновъ, освобождать отъ очарованiя всѣхъ земныхъ Принцессъ, а всѣхъ храбрыхъ Рыцарей при-

нуждать соглашаться, что она рѣдкая и удивительная подъ солнцемъ красавица? Или ты, какъ блаженной памяти Селадонъ, съ важностію занимаешся вязаніемъ любовныхъ сѣтей подлѣ своей любезной? Вотъ обстоятельства, которыя нарушить крайне должно остерегаться! Уставъ полутораста тысячь Китайскихъ обезьянствъ, не столь пространенъ, какъ роспись кривляньевъ и глупостей бѣдняка, опутаннаго въ любовныя тенета. На примѣръ, это бы значило не знать всѣхъ обрядовъ, нарушать благопристойность, погрѣшать въ несоблюденіи строгаго обычая, естьли бы вдругъ учинить объявленіе о любви своей красавицѣ. Надлежитъ прежде начать сотнею угожденій, множествомъ учтивостей, безчисленными, безконечными и весьма смѣшными услугами, дабы только приуготовиться къ первому театральному дѣйствію. Сперва для большаго плѣненія должно принять на себя томный и печальный видъ, сдѣлаться робкимъ, боязливымъ, смущеннымъ, покорные и робкіе взоры надлежитъ возводить съ трепетомъ къ небесному предмету своему, удушаться вздохами или въ половину удерживать ихъ. Къ идолу

приближаться должно со страхомъ, голосъ имѣть тихій и едва слышимый. Естьли же бы захотѣлось поговорить, то надобно, чтобъ слова на устахъ исчезали. Занимаяся непрестанно своею страстію и средствами сдѣлать ее пріятною, должно непрерывно пребывать въ задумчивомъ и разсѣянномъ положеніи, которое даетъ видъ неловкій и глупый и дѣлаетъ весьма забавнымъ. Когда бы надобно мнѣ было начертать глупца или сумазброда, то подлинникъ избралъ бы я сходствующій съ вышесказаннымъ лицеизображеніемъ.

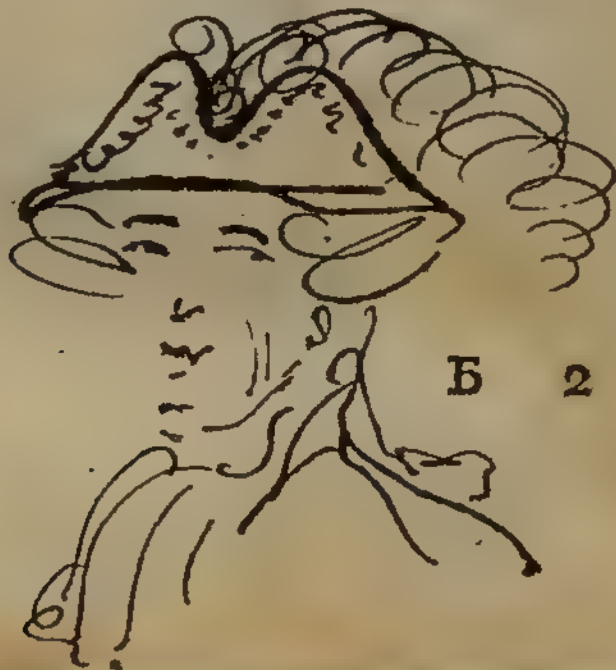
Не то же ли дѣлается и съ тобою, любезной простофиля? Я объ закладъ бьюсь, что съ обожаемою тобою перевѣдываешся ты теперь одними только взглядами, вздохами, а можетъ быть и того еще нѣтъ.

Эхъ, умилосердись! ежели столь сильно обладаетъ тобою любовное изступленіе, то сократи поскорѣе всѣ предварительныя статьи. Къ дѣлу, къ дѣлу приступай стряпчій, говорилъ одинъ судья, утомленный разсказываніемъ безполезностей; и я тебѣ вопію тоже. Спѣши подловить красотку, столь сильно поразившую слабое сердце твое. Это одно токмо средство, коимъ мож-

но возвратить тебѣ свой разсудокъ, и я предлагаю поспѣшнѣе за него приняться.

Здѣсь удерживаютъ меня нужныя дѣла и препятствуютъ къ тебѣ прїѣхать ради исторженія тебя изъ очарованій твоей Армиды; всего лучше сдѣлаешь, естьли прїѣдешь ко мнѣ. Сельскія прелести приводятъ къ прямымъ удовольствїямъ нечувствительно, и простыя, производимыя натурою перемѣны, укрощаютъ волненіе чувствъ, разсѣеваютъ пары воображенія и вводятъ душу въ надлежащую умѣренность. И такъ, прїиди мой другъ, прїиди насладиться прекраснѣйшими въ свѣтѣ видами и воспрїять лобзанїя друга. Въ рѣзвостяхъ съ молодыми и здоровыми пастушками, и осушая Шампанское подъ тѣнїю древесъ, ты легко забудешь опасную свою Сирену.

Изъ . . . Іюня 24.

ПИСЬМО III.

Отъ Маркиза Алозанъ къ Шевалье Мармейлю.

Ты угадалъ, Шевалье: обожаемая мною особа есть *Ангельское творенiе*, предметъ, превышающiй человѣчество; существо, коего прiятностей никакъ изъяснить не возможно! Для описанiя прекраснѣйшаго божескаго произведенiя потребенъ необыкновенный языкъ! Ни Клеопатры, ни Армиды, ни Елены, словомъ, всѣ прославившiяся красотою своею жены, и коихъ изображенiя учинены столь блистательными, въ сравненiи съ моею богинею суть не иное что, какъ весьма обыкновенныя богиньки! Сама Венера, безсмертная Венера, со всѣми своими прiятностями и полураскрытыми прелестями, обладанiе яблокомъ ей бы уступила.

Любопытенъ ли ты узнать исторiю родившейся горячности и предметъ нѣжнѣйшей любви моей? Приключенiе покажется тебѣ безъ сомнѣнiя романическимъ и достойнымъ славныхъ вѣковъ Рыцарскихъ; слѣдовательно подастся тебѣ новая матерiя къ издѣв-

камъ, и содержанïе хорошее ради упражненія пера, всегда плодовитаго въ замысловатыхъ шуткахъ: но нѣтъ ничего, выслушай.

Провдя день у Графа Р * * * съ любовницами его, возвращалися мы съ Лозаномъ изъ Сентъ-Жерменя; почти уже въ полночь мы оттуда поѣхали. Мракъ распростеръ покровъ свой на половину земнаго шара нашего; глаза не видѣли никакого предмета; ухо не слышало ни малѣйшаго звука и казалось все мертвымъ и неодушевленнымъ. Подобно, говоритъ одинъ сочинитель, какъ бы движенïе, вселенную оживляющее, остановилось и какъ бы натура больше не существовала.

Ѣдучи спокойно верьхами на молодыхъ лошадяхъ и препровождаемы будучи двумя служителями, занималися мы въ тишинѣ собственными своими приключенïями, и боялись нарушить глубокое молчанïе мрачныя сея ночи. Но при проѣздѣ чрезъ лѣсъ вдругъ размышленïя наши прерваны были жалобнымъ крикомъ, изъ средины лѣса, какъ казалось, происходящимъ. Мы остановились, и каждой изъ насъ прïуготовилъ внимательное ухо. Крикъ умножался, стенанïя усугублялись и слышны стали

намъ слѣдующія прерываемыя слова: злодѣи, воры, умертвите! Посмотримъ, что это такое, сказалъ я моему спутнику: и пришпоривши лошадей поскакали туда, давши знакъ служителямъ нашимъ слѣдовать за нами. Со шпагою въ рукѣ я прискакалъ первой къ мѣсту, откуда крикъ происходилъ, и не больше, какъ въ трехъ стахъ шагахъ отъ дороги усмотрѣлъ я съ помощію тайнаго фонаря женщину на колѣняхъ посреди толпы разбойниковъ, готовящихся умертвить ее.

Нѣчего думать, сказалъ я Лозану, должно помочь сей нещастной, и спасти ее или погибнуть. Соскочивъ тотчасъ съ лошадей, и съ шпагою въ одной рукѣ, съ пистолетомъ въ другой, устремилися мы вдругъ на душегубцевъ. Первымъ выстрѣломъ положили мы двоихъ на мѣстѣ, другіе же устрашась сего ударились бѣжать. Я приказалъ служителямъ нашимъ приближиться съ лошадьми и кричать изо всѣхъ силъ разными голосами, дабы подумали, что ихъ была цѣлая дюжина, самъ же съ Лозаномъ производилъ пистолетные выстрѣлы. Сія хитрость возъимѣла удивительное дѣйствіе. Воры подумавъ, что напала на нихъ цѣ-

лая рота Полицейской команды, принуждены были отъ страха оставить мѣсто сраженія.

Лишь только разсѣяли мы сихъ бездѣльниковъ, я полетѣлъ на помощь къ незнакомкѣ. Она сначала сраженія впала въ обморокъ, но помощію спиртовъ, по щастію тогда при мнѣ случившихся, привели мы ее въ чувство. Гдѣ я? вскричала она, пришедши въ себя! Не опасайтесь ничего, сударыня, отвѣчалъ я, вы не въ злодѣйскихъ рукахъ и убійцы ваши теперь весьма уже далеко. Слава Богу, сказала она: а, государи мои! я вамъ обязана жизнію и честію, и по сему судите, сколь велика должна быть моя благодарность! Потомъ сообщила намъ въ кратцѣ исторію такъ: возвращаясь изъ деревни своей, въ десяти миляхъ отъ Парижа отстоящей, изломалась ось у ея кареты, почему принуждена она была остановиться въ Сент-Жерменѣ: хотя наступила уже полночь, но по исправлении починкою кареты, надѣялась она, что можетъ продолжать путь свой, тѣмъ болѣе, что кучеръ ея былъ человѣкъ надежной, и что она ожидаема была въ Парижѣ. . . . .

Графиня д'Озамбрюнъ (такъ называлась красавица) продолжала: что при въѣздѣ въ лѣсъ, окружена была повозка ее толпою разбойниковъ, которые понудили кучера поворотить съ дороги въ сторону, между тѣмъ, какъ одинъ изъ сихъ бездѣльниковъ влезъ къ ней въ карету и зажавъ ротъ платкомъ, препятствовалъ ей кричать. Пріѣхавши на то мѣсто, гдѣ мы ее нашли, заставили они ее выйти, а потому не извѣстно ей, что сдѣлалось съ каретою и людьми ея; что въ ту самую минуту, какъ мы вступились великодушно ее защищать, бездѣльники намѣревались лишить ее чести и жизни.

Ахъ, Шевалье! истинно говорятъ, что любовь измѣнница! Въ самое то мгновеніе, когда не ожидаешь, пронзаетъ она своими острыми стрѣлами и наноситъ сердцу глубочайшія раны. Я не видалъ еще госпожи д'Озамбрюнъ, не зналъ еще, хороша ли она; но прелестный голосъ заставилъ уже меня трепетать. Я содѣлался плѣнникомъ при произнесеніи перваго ею слова. Очаровательное ея произношеніе прежде всего воспалило мою грудь тѣмъ жестокимъ огнемъ, который меня оживляетъ. Не возможно, сказалъ я самъ

въ себѣ, чтобы изреченіе, досязающее до сердца, не изъ прекраснѣйшихъ истекало устъ, и чтобъ не небесное тѣло вмѣщало въ себѣ душу, съ такою сладостію и благородствомъ изъясняющуюся! О какъ нетерпѣливо желалъ я видѣть прелестный образъ и найти въ очахъ и особѣ ея то, чѣмъ оправдать испытываемыя мною ощущенія!

Между тѣмъ отыскали карету и посадили въ нее Графиню. По щастію лакей мой умѣлъ ѣздить и заступилъ мѣсто кучера госпожи д'Озамбрюнъ, убитаго со всѣми своими товарищами. Мы проводили Графиню до самаго замка ея, гдѣ она вышла. По изъявленіи множества благодареній за оказанную нами ей услугу, просила она насъ на другой день къ себѣ обѣдать. Я возвратился домой, будучи занятъ безчисленными размышленіями о семъ необыкновенномъ произшествіи, и о неизвѣстномъ впечатлѣніи, сею женщиною во мнѣ произведенномъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я минуты свиданія. Послѣдствія сего ожидай отъ меня съ будущею почтою, ибо сего дня я ничего больше сказать тебѣ не могу. Любовь и своенравіе, какъ говорятъ, суть всегда неразлучные спутники.

P. S. Къ статѣ, знаешь ли, что Лозюнь весьма отличился повѣсничествомъ? Право, любезной Шевалье, естьли ты не поспѣшишь пріѣздомъ, то боюсь, чтобъ ты не отсталъ отъ него, и чтобъ не сдѣлался напослѣдокъ самъ ученикомъ своего ученика. Я объ закладъ бьюсь, что ты позавидуешь славѣ его, особливо ежели разсказана будетъ тебѣ забавная шутка, сыгранная имъ не давно съ одною вдовою. Сіе приключеніе предоставляю я разсказать тебѣ при первомъ нашемъ свиданіи; я увѣренъ, что ты довольно посмѣешся, и что по сему благородному мщенію познаешь твои объ немъ попеченія.

Изъ Парижа, 27 Іюня.

ПИСЬМО IV.

Тотъ же и къ тому же.

Естьли бы я писалъ Романъ, то могъ бы обогатить его отмѣнными вымыслами, украсить великолѣпно и убрать превосходно; но какъ для тебя, а не для общества пишу сіи письма, то безъ приготовленія приступаю къ содержанію и продолжаю мою исторію.

На другой день!... Ахъ, Шевалье, на другой день прiѣхалъ я къ госпожѣ д'Озамбрюнъ, будучи преисполненъ смятенiя, при входѣ къ ней увеличившагося. Докладываютъ ей о моемъ прибытiи: и вотъ уже я во святилищѣ всего того, что сердце мое чтитъ; вотъ уже въ присутствiи небеснаго предмета! Боже! какое восхитительное зрѣлище красотъ очаровало любопытные мои взоры! Никогда ухо мое не слышало гласа толь привлекательнаго, ни глаза не зрѣли прелестей, въ толикомъ множествѣ представившихся! О Корреджъ! о Лебрюнъ! приуготовьте мнѣ восхитительныя свои краски для начертанiя сего чуда красоты! любовь, помоги воспламенившему меня огню и подай робкимъ произношенiямъ моимъ силу и благородство, кои необходимы мнѣ для исполненiя намѣренiя моего!

Представь себѣ, мой другъ, два большихъ голубыхъ глаза, (хотя она черноволоса), блистательнѣйшее сiянiе со трогательнѣйшею скромностiю соединяющихъ! они были совокупно нѣжны, изъяснительны, скромны и любострастны: истинна, сама натура въ нихъ изображалась. Розовыя уста, отъ коихъ, казалось, поцѣлуй воспрiялъ свое рож-

денїе, и которыя можно сравнить съ яркимъ блескомъ весенняго цвѣтка, едва распустившагося; алыя губы, украшаемыя прелестною улыбкою и открывающія зубы, удивительно расположенные; всѣ черты въ той справедливой и точной правильности, каковую столь тщательно ищутъ живописцы; ростъ малый, но станъ развязанный, красивый и даже величественнымъ назваться могущій; походка важная и благородная, но между тѣмъ самая свободная, привлекательная и можно сказать очаровательная; ноги столь малыя и совершенныя, что едва ли и Китай видѣлъ когда подобныя: таковы суть начальныя черты, подъ которыми можно представить себѣ Графиню д'Озамбрюнъ; таковою, или еще прекраснѣйшею показалась она мнѣ въ первое мое съ нею свиданіе. Не было на ней ни круглой шляпки, ни Турецкой одежды, ничего изъ прельщающихъ издѣлокъ, изобрѣтенныхъ безобразіемъ, отдаляющихъ пріятности и закрывающихъ красоту вмѣсто приданія ей прелестей. Простое, но красивое платье обнимало станъ и прелестнымъ образомъ стройность онаго изъявляло. Волосы ея нерачительно были разбросаны въ

натуральныхъ букляхъ и оттѣнивали шею, въ бѣлизнѣ слоновой кости не уступающую; перевязывавшая ихъ назади розовая лента чернотою оныхъ прекрасно отдѣлялась. Такъ живописцы и ваятели представляютъ намъ обнаженныхъ Грацїй, красоту свою не отъ искусства и не отъ уборовъ, но отъ простоты токмо естества заимствующихъ.

Вотъ ея наружность. Но какимъ образомъ описать тебѣ ея разумъ, дарованія, познанія и всѣ совершенства? Благороднѣйшая и чувствительнѣйшая душа видима была въ самомалѣйшихъ ея дѣйствїяхъ! Все, что она ни говоритъ, пріемлетъ силу свою отъ чувствованія и возвѣщаетъ чрезмѣрно нѣжное сердце. Прелестная веселость и рѣзвость *не нарушаютъ никакъ благопристойности*, и романически говоря, оживляютъ и одушевляютъ ея разумъ; кротость нрава ея не изъяснима; и оттуда проистекаютъ множество послѣдующихъ одно за другимъ очарованій и составляющихъ собраніе прелестей, красотъ, обольщеній.

О Мармеиль! сколь пріятенъ тотъ день, въ который первый разъ поражаешся такимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ! въ который первый разъ испытываешь ощущеніе любви къ достойному обожанія предмету! Ахъ! оставь меня, мой другъ, упоеваться возхищеніемъ, удовольствіемъ, изступленіемъ! Славный сочинитель *Опыта о чувствованіяхъ*, говоритъ: что любовь есть огнь, который не прежде открывается, какъ произведетъ пожаръ, и когда потушить его уже не возможно.

Изъ Парижа 30 Іюня.

ПИСЬМО V.

Маркизъ Алозанъ къ Графинѣ д'Озамбронъ.

Вы спрашивали меня вчерась, отъ чего я не веселъ: ахъ! сударыня, можетъ ли вамъ быть неизвѣстна причина онаго? Или вы притворяетесь не примѣчающею того, чтобы не прогнѣваться на меня: и такъ надлежитъ

мнѣ самому открыть вамъ причину печали моей. Открываясь, я ничему болѣе не подвергаюсь, кромѣ усугубленія преступленія своего, а мнѣ должно же умереть, когда не получу прощенія въ первомъ проступкѣ, и наказаніе за оба не можетъ уже быть жесточѣе.

Но можно ли еще и вмѣнять въ преступленіе чувствительность и любовь къ предмету, обожанія достойному? Когда запрещаемо было воздвигать въ сердцѣ своемъ храмъ божеству, поклоняться коему должно? Можетъ ли почесться то виною, чтобы питаться невольною страстію и предаваться нѣжнымъ впечатлѣніямъ божества, управляющаго вселенною законамъ утѣхъ и любви? Ахъ, ежели такъ, то признаюсь, что я самой виновнѣйшій человѣкъ; да, сударыня, и точно предъ вами я таковъ. Вы та, которую люблю, обожаю: вы дали мнѣ новое бытіе, новую душу, новыя чувствованія, впечатлѣнія, склонности. Вамъ должествую я восторгомъ, упоеніемъ, испытываемыми мною радостьми, верьховнымъ наслажденіемъ, мною нынѣ вкушаемымъ. Накажите меня; вы должны то сдѣлать: ибо не знаю, доколѣ продлится пріятное мое изступленіе, и ко-

торое при всякомъ моемъ съ вами свидании болѣе во мнѣ умножается. Лишите меня надежды сдѣлать васъ чувствительною, откажите мнѣ входъ въ домъ вашъ, запретите приближаться къ себѣ, и естьли надобно, повелите мнѣ умереть! Великія болѣзни и лѣкарствъ сильныхъ требуютъ: стрѣлы, поразившия сердце мое и содѣлавшія глубокую рану, не позволяютъ надѣяться, чтобы можно было снисхождениемъ исцѣлить оное.

Изъ Парижа, 3 Іюля.

ПИСЬМО VI.

Отъ Шевалье Мармейля къ Алозану.

Несправедливо ли назвалъ я тебя Донъ-Кишотомъ? Тьфу къ чорту!..... знаешь ли, что твое имя очень къ стати можетъ помѣщено быть въ число самыхъ славныхъ особъ древняго Рыцарства! Разсмотримъ: Принцесса, прекраснѣе Тобозской, важно сидящая въ колесницѣ, возвращается изъ дальняго десятимильняго странствования

въ задумчивости въ домъ свой; проѣзжаетъ сквозь лѣсъ въ самую мрачную ночь; воры, особенный родъ волшебниковъ, примѣтивши птичку издалека, предстаютъ неучтиво предъ красавицу, просятъ остановиться, и не дождавшись отвѣта, безчеловѣчно умерщвляютъ кучера, лакѣевъ, почталiона и всѣхъ спутниковъ; препровождаютъ ее въ торжествѣ въ средину лѣса, и не смотря на упорные ея отказы, готовятся провозгласить великою Султаншею. До сего времени нѣтъ ничего естественнѣе; но вотъ гдѣ начинается чудесное: въ самую ту минуту, какъ Герцогиня де М . . . готовилась съ нѣжностiю воскликнуть: *любезной воръ, ахъ, любезной воръ!* прiѣзжаетъ вдругъ новый Родомонтъ, и привлеченъ будучи *жалобнымъ крикомъ и стенанiемъ*, безъ сомнѣнiя трогательнымъ, расплаканной Нимфы, въ мигъ нападаетъ на разбойниковъ, многихъ изъ нихъ убиваетъ, иныхъ же обращаетъ въ бѣгство, и остается *господиномъ мѣста сраженiя*. Но это еще не все: Дулцинея, внутренно можетъ быть недовольная, что помѣшали первому волшебства дѣйствiю, падаетъ въ обмо-

рокъ; ее поспѣшно изъ онаго освобождаютъ; напослѣдокъ она открываетъ глаза, и хотя не могла ни сама видѣть, ни быть видимою (здѣсь то весьма важное открывается), *но первое произнесенное его слово одного дѣлаетъ несолнцемъ; магическое трогательныхъ ея изъясненій произношеніе приноситъ въ душу избавителя ея первыя искры огня, который тогда уже открывается, когда произведетъ пожаръ.* Право, такое произшествіе можетъ служить содержаніемъ для цѣлой Эпической поэмы, или я ничего не разумѣю.

А другъ нашъ Лозюнь, хорошо ли игралъ роль добраго Санхо-Панса? Онъ имѣетъ по меньшой мѣрѣ физическія дарованія; и ежели разсмотрѣть по прилѣжнѣе его черты, пріемы, осанку, то всякъ подумаетъ, что конюшій Рыцаря Донъ Кишота воскресъ. И ты говоришь, что онъ *отличился своими подвигами*, и что и мнѣ едва удастся превзойти его. Пустое; онъ, ты и всѣ вамъ подобные, хотя бы васъ была цѣлая армія; устрашить меня не могутъ, и я никогда

не повѣрю, что бы вы всѣ могли, не говорю превзойти меня, но токмо достигнуть до той степени, до коей давно уже я вознесся безъ всякой сторонней помощи! Могутъ ли что нибудь значить карлы предъ исполиномъ? Давно ли бѣдныя насѣкомыя возмечтали сравнивать себя съ Юпитеровою птицею, величественно въ воздухѣ плавающею? Разскажи пожалуй забавное происшествие Лозюново со вдовушкою. Я истинно любопытенъ знать, оказалъ ли онъ хотя малые успѣхи и ловчѣе ли сталъ; ибо, между нами будь сказано, онъ мнѣ ничего важнаго не обѣщаетъ.

Что принадлежитъ до тебя, любезной Алозанъ! то ясно вижу, что ты совершенно сошелъ съ ума, и крайне о томъ сожалѣю. Бывшія въ тебѣ качества предъобѣщали, что ты будешь человѣкомъ; но теперь, видно, надежду сию должно оставить. Тебѣ неотмѣнно хочется быть влюбленнымъ, и тебѣ пріятно плакать и дурачиться; изрядно, другъ мой! слѣдуй влекущему тебя стремленію, бѣги, лети къ дурачеству, погибай въ цвѣтущихъ лѣтахъ своихъ. Нѣкогда самъ пожалѣешь ты о твоемъ заблужденіи.

О голубчикъ мой! какими отмѣнными красками описалъ ты госпожу д' Озамбрюнъ! Довольно видно, что ты влюбленъ! Я бьюсь объ закладъ, что она и третей части не имѣетъ тѣхъ совершенствъ, каковыя ты ей приписываешь. Любовь не напрасно изображается съ повязкою на очахъ. Она украшаетъ, боготворитъ предметы. Она подобна обманчивому зеркалу, которое пороки скрываетъ, а безобразію придаетъ прелести, или лучш сказать: она есть чудесной плавильной горшокъ, въ коемъ женщина очищается отъ всѣхъ недостатковъ, отъ всѣхъ пороковъ, и представляется очаровательнымъ божествомъ глазамъ любовника. Изступленіе слѣпой страсти есть таково, что оно цѣнитъ дорого и такія вещи, которыя въ самомъ дѣлѣ не стоятъ ничего, и производитъ воспаленіе, часто жалостное, всегда же бѣдственное. Нещастный Алозанъ! оглянися, и доколѣ есть еще время, разсмотри бездну, въ которую хочешь низвергнуться. Прочти, ежели ты не вѣришь мнѣ, прочти въ одномъ славномъ сочинителѣ (котораго не имѣю нужды тебѣ имяновать) страшное золъ любовныхъ описаніе. Ты увидишь нещастнаго лю-

бовника, предавшагося безчисленнымъ мечтательнымъ мученіямъ: ,,Ежели ,,онъ бодрствуетъ, то ярость объем-,,летъ душу его; питаемое суетными ,,призраками безпокойство охлаждаетъ ,,его чувства и изсушаетъ цвѣтъ жиз-,,ни его; пренебреженное щастіе его ,,рушится и исчезаетъ. Для глазъ его ,,солнце не имѣетъ свѣта, весна цвѣ-,,товъ. Лазуревый сводъ неба надъ гла-,,вою его стѣсняется и натура кажет-,,ся ему, какъ бы изнемогшею и изгла-,,женною. Книги для него самое глу-,,пое упражненіе, друзья скучны; сре-,,ди самаго веселаго общества, онъ ,,пребываетъ печаленъ; уединенъ и ,,разсѣянъ. Разговоры его никакой ,,не имѣютъ связи, и когда тол-,,па мыслей его занимаетъ, умъ его ,,летитъ къ сердцу красавицы. Опамя-,,товавшись и выходя вдругъ изъ усы-,,пленія, ищетъ онъ мрачности, сход-,,ствующей съ состояніемъ сердца его, ,,и удаляется туда при захожденіи ,,дневнаго свѣтила. Тѣнь, сокрывающая ,,отъ него текущій ручей, кажется ,,пріятною романическимъ мечтамъ, въ ,,смущеніе его приводящимъ. Тамо по-,,гружаяся въ мрачныя мысли теряет-,,ся онъ въ произающихъ сердце его

,,воображеніяхъ и предается страсти ,,своей совершенно. Среди наклонившихся криновъ и согняся на травѣ, ,,наполняетъ воздухъ воздыханіями, а ,,источники увеличиваетъ слезами своими. Тако дни его въ жалобахъ протекаютъ! Напослѣдокъ уступая угнѣтенію, ищетъ онъ сна; но сіе спокойное божество отъ очей его удаляется. Онъ мучится всю ночь и вотще старается обрѣсти сладкое спокойствіе. Заря застаетъ его въ такомъ положеніи и тогда, когда блѣдный цвѣтъ ея является нещастнымъ любовникамъ блѣднѣйшимъ ея самой. ,,Истощенная натура и помоглабы можетъ быть любовнику успокоиться; ,,но сонъ, множествомъ начертанныхъ ,,въ больномъ мозгу его воображеній ,,нарушается и приводится въ пущее ,,смятеніе страшными призраками, всѣ ,,виды наполняющими. Таковы суть ,,изступленія, таковы мученія любовныя!,,

Сія картина, весьма слабо еще изображающая мученіе людей, собранныхъ подъ знамена Киприды, не ужли тебя не устрашаетъ? Горе, горе тебѣ, ежели ты не исторгнешь скоро злополучныя стрѣлы изъ своего сердца! Какія

напасти, какія безпокойства, какія неизреченныя страданія ты себѣ приготовляешь! Проси небо, чтобы ты къ прямому благоразумію не приведенъ былъ большими еще нещастіями! Ахъ! ежели то истинно, что поздо уже убѣгать отъ опредѣленнаго паденія, то вспомни по крайней мѣрѣ, что стрѣлы любовныя подобны стрѣламъ Ахиллесовымъ: они сдѣланнымъ ими ранамъ приносятъ съ собою и исцѣленіе. Я думаю, что ты меня разумѣешь.

Изъ. . . . 4 Іюля.

ПИСЬМО VII.

Отъ Маркиза Алюзанъ къ Графинѣ д'Озамбрюнъ.

Ахъ, сударыня! сколь жестоко наказываюсь я за бѣдственный мой совѣтъ! Съ того времени, какъ вы запретили мнѣ къ себѣ входъ, и какъ я уже васъ болѣе не вижу, не возможно изъяснить чрезмѣрныхъ мученій моихъ! Я теперь сугубо терплю напасти, отъ

любви и отъ себя самаго мнѣ причиняемыя! Я думалъ, что уклоняяся отъ сильнаго прелестныхъ очей вашихъ влеченія; отнявъ у себя всю надежду склонить васъ когда либо въ любовь; запретивъ себѣ все, что можетъ питать страсть мою, погашу новыя чувствованія, возрожденныя вами въ сердцѣ моемъ, и обрѣту паки сладкую тишину и спокойныя утѣхи, при взорѣ на васъ отъ меня удаливщияся: но увы! лѣкарство, мною избранное, стократъ мучительнѣе болѣзни! Чувствую, что мнѣ опредѣлено любить васъ вѣчно, и что я жить не могу не видя васъ! Изъ сожалѣнія отмѣните, сударыня, данное вами строгое повелѣніе, и естьли ощущаете какое сострадание, то позвольте мнѣ притти къ вамъ и поклясться у ногъ вашихъ, что я никогда не буду говорить вамъ о любви, оскорбляющей васъ. Забудьте, ежели можно, злополучное письмо, извѣстившее васъ о моемъ заблужденіи, или паче простите оскорбленіе, прелестями вашими извиняемое. Я обѣщаюсь оное загладить, употребя, по приказанію вашему, всѣ усилія на погашеніе священнаго огня, меня оживляющаго.

Изъ Парижа 8 Іюля.

Цидулка отъ Графини къ Алозану.

Избавитель Графини д'Озамбрюнъ можетъ, когда угодно, прїѣхать къ ней. Онъ будетъ принятъ со всею должною признательностїю за великодушное имъ пожертвованїе своею жизнїю для спасенїя другаго. Но просятъ при томъ сего великодушнаго, соблюсти потребное благоразумїе, наипаче же не нарушать своего обѣщанїя.

Вторникъ 8 Іюля.

ПИСЬМО VIII.

Отъ Маркиза Алозанъ къ Графинѣ д' Озамбрюнъ.

Не ужли въ истинну *думаете вы, сударыня, что учинитесь нещастною, естьли любовь покоритъ васъ власти своей?* И по чему? *Потому,* говорите вы, *что мущины нынѣшняго вѣка не заслуживаютъ столь благороднаго и нѣжнаго чувствованїя;* слѣдовательно, не любовь васъ устрашаетъ. Да и въ

самомъ дѣлѣ, можетъ ли внушающая оную столь сильно не признавать ея могущества! Но что вамъ сдѣлали бѣдные мущины, чтобы всѣхъ ихъ предавать проклятїю? И такъ никто не исключенъ изъ сего страшнаго осужденїя? Ахъ, сударыня! гдѣ тутъ, не говорю снисхожденїе, но по крайней мѣрѣ справедливость?

Безъ сомнѣнїя есть въ семъ вѣкѣ, такъ какъ бывали и въ прошедшихъ, люди развратные, свойства звѣрскїя, сердца поврежденныя, души гнусныя, умы злотворные. Натура во всѣ времена производила и производитъ еще какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ чудовищъ; и относительно сего рода охотно соглашаюсь съ вашимъ сужденїемъ и готовъ принять вашу сторону.

Но есть другой классъ людей, худыхъ по слабости, порочныхъ по нерадивости. Не имѣя ни добродѣтелей, ни чувствованїй (поелику не знаютъ цѣны ихъ и не вѣдомы имъ непобѣдимыя оныхъ прелести) они, подобно безсмысленнымъ существамъ, въ сферѣ низостей и усыпленїй своихъ пребываютъ мрачны и задумчивы; и чтобъ учинить ихъ способными чувствовать истинное благо и оцѣнивать подлин-

нее удовольствїе, то надлежитъ употребить большїя, нежели человѣческїя усилїя; и таковые люди больше сожалѣнїе, нежели ненависть заслуживаютъ.

Иные же, изъ числа которыхъ и я, родяся съ весьма пылкими страстями, и по состоянїю своему нашедши великую къ удовлетворенїю ихъ удобность, предоставляютъ управлять собою обстоятельствамъ; и слѣдуя своимъ вкусамъ, склонностямъ, смѣлой и стремительной молодости, становятся легкомысленными, непостоянными, лживыми и развратными, буде угодно, больше по подражанїю, посходству обращенїя, нежели по склонности и любви къ тому. Отъ сего раждается множество шалостей, приключенїй, происходящихъ, какъ кажется, отъ злаго сердца, развращенной души и презрѣнныхъ качествъ, но которыя ничто иное суть, какъ необходимое слѣдствїе первыхъ заблужденїй, предразсудковъ, злыхъ содружествъ и бѣдственныхъ правилъ, коими они упоилися. Приведите же сихъ нещастныхъ въ другое состоянїе; разсмотрите ихъ въ другомъ видѣ; дайте имъ новый вкусъ, новыя понятїя, новыя чувствованїя; покажите имъ различїе ложныхъ удовольствїй

и истинныхъ наслажденій; предложите имъ для сравненія любовь честную, основанную на качествахъ душевныхъ и на прелестяхъ наружныхъ, и любовь порочную, питаемую благосклонностями сластолюбія и чувственными утѣхами, оставляющими всегда сердце празднымъ и недѣятельнымъ: тогда увидите вы все ихъ величіе; сердцами ихъ овладѣютъ честь и благородныя чувства; душа ихъ восприиметъ божественныя честности и добра впечатлѣнія; они учинятся способными къ высочайшимъ добродѣтелямъ и въ единомъ истинномъ душевномъ удовольствіи будутъ искать своего благоденствія.

Вотъ исторія моей виновной юности; такова есть картина бѣдственныхъ моихъ заблужденій. Замѣшанъ будучи очень рано въ вихрѣ большаго свѣта, безъ путеводца моей неопытности, я отдался совершенно ложному ученію: душа моя бывъ нова и жаждуща, упоявалась ядомъ лестной философіи, имѣющей и для лучшихъ людей множество прелестей. Вотъ первый источникъ долговременныхъ моихъ заблужденій!

Посвященъ будучи въ таинства многолюдной секты, которая изгнала лю-

бовь, которая насмѣхается нѣжнымъ чувствованіямъ, не уважаетъ полъ, обожанія достойной; которая превозноситъ непостоянство, легкомысліе, вѣтренность, безпечность, невѣрность, самохвальство и всѣ сіи небольшія страсти, кои угашаютъ сердечную чувствительность, раждаютъ въ душѣ сухость и дѣлаютъ человѣка ничѣмъ въ разсужденіи всѣхъ исключая себя самаго; которая наконецъ думаетъ, что нужны только одни вкусы, утѣхи, полунаслажденія, и что для приданія цѣны существованію ихъ надобно жить легкомысленно, содержать чувства въ желаніяхъ пріятными сотрясеніями, притупляющей же оныхъ привычки остерегаться. Я старался соображать поведеніе мое съ сими бѣдственными правилами, прилѣпился къ ложному сему мудрованію, и то, что служило къ утвержденію меня въ совершенномъ заблужденіи, почиталъ я истиннымъ путемъ ко щастію. Такимъ то образомъ проведены мною первыя лѣта безразсудной молодости! Изображеніе уклоненій моихъ отъ добра, глупостей, всѣхъ постыдныхъ дѣлъ моихъ показалось бы вамъ противно, да и я самъ принужденъ бы былъ усты-

диться того, что прежде знакомства моего съ вами въ немалую поставлялъ я себѣ славу.

Ахъ, сколь великой былъ я глупецъ! я хотѣлъ соединить не соединяемыя вещи и искалъ блаженства моего тѣми средствами, кои удаляли меня отъ онаго. Какимъ страннымъ ослѣпленіемъ доведенъ я былъ до сея степени безумія и развращенія! Ахъ, когда заблужденіе разума сопровождается сердечнымъ заблужденіемъ, то весьма легко не счесться числа дней, погубленныхъ глупостями и заблужденіями своими.

Вамъ, сударыня, обязанъ я перемѣною, мною испытываемою! Съ того времени, какъ васъ увидѣлъ, какъ узналъ васъ, почувствовалъ я, что дотолѣ наслаждался мечтательнымъ токмо призракомъ щастія. Отъ сея минуты завѣса разорвалася, очарованіе изчезло и любовь, которую почитаютъ слѣпою, просіяла надъ естественными сердца моего движеніями. Божественный ея свѣтильникъ издалече показалъ мнѣ источникъ верьховнаго блаженства. Пораженъ будучи ужасомъ отъ сего неожидаемаго пробужденія, сталъ я разсматривать самъ себя, и воспре-

петалъ, видя себя удаленна отъ желаемаго конца. Обманчивыя привидѣнія, мечтательныя удовольствія, что съ вами сдѣлалось? Отъ онаго столь блистательнаго и очаровательнаго владычества, коимъ упоевалася душа моя, что нынѣ ей осталося? Ничего болѣе, кромѣ стыда и раскаянія, что содѣлалась достойною презрѣнія, а что еще горестнѣе, ужасной боязни не быть тѣмъ, чѣмъ быть долженствуетъ.

О ты, которой безподобная душа столь сильно надъ моею воздѣйствовала, сообща ей желаніе сего рѣдкаго благородства и безцѣннаго благоразумія, заставляющаго всѣхъ тебѣ удивляться, воспріими вѣчную преданность сердца, безъ сомнѣнія тебя недостойнаго, но которое однакожъ не всѣхъ еще добродѣтелей лишилось, поелику можетъ цѣнить и чувствовать, чего ты достойна! Во странѣ Атеистовъ, сказалъ одинъ Англійской писатель, любовь доказала бы существо Божіе; но здѣсь она еще болѣе производитъ: она возвращаетъ развратнаго къ добродѣтели. Такъ, сударыня! я отрицаюсь отъ всѣхъ пороковъ, заблужденій, отъ всѣхъ мечтательностей развратной юности! Совершите же очищеніе мо-

ихъ чувствований, облагородствуйте понятіе, воцарите добродѣтель въ сердцѣ моемъ, внушивъ мнѣ желаніе соединить усилія мои съ великодушными вашими побужденіями! Какое торжество для васъ, сударыня, сдѣлать достойнымъ общаго почтенія, наипаче же вашего, такого человѣка, которой доселѣ всѣми былъ презираемъ! Я ласкаюсь, что вы не отречетесь председательствовать при таковой благотворной работѣ. Разумъ и сожалѣніе налагаютъ на васъ сей законъ, а мнѣ извѣстно, что вы ни для чего въ свѣтѣ не захотите оставить безъ исполненія должностей человѣчества.

Парижъ 12 Іюля.

ПИСЬМО IX.

Отвѣтъ Графини Алозану.

Для чего стараетесь вы, государь мой! возмущать тишину и спокойствіе мое? По какому странному своенравію, я должна бы сказать, по какой непостижимой злобѣ желаете вы,

въ спокойномъ и тихомъ сердцѣ воздвигнуть бурю и смятеніе? Сходствуетъ ли сей поступокъ съ тѣмъ великодушіемъ, съ каковымъ оказали вы мнѣ важную услугу, и которой я никакъ не забуду? Скажите, что мнѣ должно сдѣлать для удовлетворенія вашего? Вы желали, казалось мнѣ, чтобы я запретила вамъ къ себѣ входъ: я то сдѣлала; послѣ того просили вы, чтобы таковое запрещеніе было отмѣнено: я и на то согласилась съ большимъ еще удовольствіемъ, нежели на первое; теперь хотите вы, чтобы я отвѣчала на какую-то любовь, которою мечтаете себя быть воспламененнымъ: ахъ! се есть уже преступать границы и слишкомъ многаго требовать! И такъ должно ли приводить меня въ невозможность угодить вамъ? И для удовлетворенія благодарности должна ли я нарушить всѣ прочія мои обязанности? Судите сами: не означаетъ ли сіе весьма дорогую за благодѣяніе плату, хотя признаюсь, что весьма трудно возблагодарить за оное.

Такъ, государь мой, я сказала вамъ и еще повторяю, что почла бы себя весьма нещастною, естьли бы ощутила чувствованіе, любовію называемое,

сїе чувство, коего могущество, благородство и силу столь восхитительно вы превозносите; не потому, чтобы я щитала невозможнымъ сыскать такихъ людей, кои достойны внушать и ощущать оное; но по истиннѣ, столь много должно при томъ отваживаться, что было бы сущее дурачество класть что либо въ сїю лотарею. Маршалъ де Саксъ говаривалъ, что мало есть такихъ женщинъ, на которыхъ бы хотѣлъ онъ жениться; а я скажу, что очень не много такихъ мущинъ, которыхъ бы желала я имѣть своими любовниками: да и не всякая ли честная и разумная женщина будетъ моего мнѣнїя? И сами вы не утверждаете ли, что развратный разумъ, именемъ философїи украшаемой, воздвигъ нынѣ во всѣхъ почти сердцахъ жертвенникъ изступленїя, угасилъ чувствительность, породилъ сухость и однихъ только самолюбцевъ и злодѣевъ производить удобенъ? Какимъ образомъ сами вы описываете пагубныя вѣка нашего заблужденїя? И послѣ сего желаете, чтобы я отдалася любовнымъ впечатлѣнїямъ, тѣмъ нѣжнымъ чувствованїямъ, кои (послѣ того, что читала я въ книгахъ, и что мнѣ весь-

ма естественнымъ представляется) возвышаютъ душу, увеличиваютъ понятія, оживляютъ всѣ чувства, облагороживаютъ всѣ дѣйствія? Ахъ, государь мой! можете ли вы то мнѣ совѣтовать, отъ чего отвращать должнствовали бы, естьлибъ по нещастію возымѣла я къ тому нѣкую склонность! Нѣтъ, нѣтъ: станемъ убѣгать и предохранять себя отъ любви, дабы не вдаться толь бурному морю: остатки кораблекрушенія, со всѣхъ сторонъ оное покрывающіе, предувѣдомляютъ, что не должно ввѣряться вѣроломнымъ его волнамъ.

Вы, государь мой! учинили мнѣ совсѣмъ не ожидаемую довѣренность! и чего вамъ хочется отъ меня? Мнѣ остается только жалѣть о заблужденіяхъ юности вашея, и естьли истинно, что въ сей обманчивой странѣ одна неопытность направляла стопы ваши, и что вы сильно почувствовали недостатокъ средствъ, къ благополучію вашему споспѣшествующихъ: то убѣждать васъ держаться прямой стези, ко храму щастія препровождающей, то есть прилѣпиться къ добродѣтели. *Она одна оное доставляетъ*, сказалъ убѣдительно нѣкоторый писатель,

такъ какъ солнце свѣтъ сообщаетъ.
Ежели кто думаетъ индѣ обрѣсти оное, тотъ обманывается; шествуя другимъ путемъ ко щастію, онаго не достигаютъ, а одну только пустую тѣнь, которая исчезаетъ отъ малѣйшаго дуновенія.

Но отъ чистаго ли еще сердца желаете вы покинуть развратную жизнь и прилѣпиться къ добродѣтели? Въ тѣхъ рѣшимостяхъ и предпріятіяхъ, въ коихъ есть надобность увѣрить другаго, не должно ли нѣсколько не довѣрять! Не видимъ ли мы ежедневно самыхъ славныхъ развратниковъ, которые воспріемлютъ личину добродѣтели и являются подъ завѣсою чести и благонравія въ то самое время, когда они вознамѣреваются содѣлать кого либо изъ насъ своею жертвою, а по удовлетвореніи страсти своей возвращаются паки на прежнюю стезю свою! Весьма еще щастливы изъ насъ тѣ, кои лишася собственнаго своего уваженія, не лишаются чрезъ явной соблазнъ добраго въ свѣтѣ имени! Но что общаго имѣю я съ сими легкомысленными женщинами, коихъ одна только слабость пола извинить можетъ! Ахъ! естьли бы я покусилась когда либо,

подражать имъ . . . то коликаго достойнабъ была сожалѣнія (*).

Я хочу вамъ, государь мой! отплатить повѣренностію за повѣренность; почитая васъ честнымъ и скромнымъ человѣкомъ, безопасно могу ввѣрить вамъ мои тайны. Въ исторіи моей можетъ быть сыщутся довольно сильныя побужденія къ утвержденію васъ въ предпринятой рѣшимости прилѣпиться къ добродѣтели. По крайности узнавъ меня точнѣе, и извѣстяся при томъ о непреодолимомъ соединенію нашему препятствіи, (хотя бы согласіе душъ и единообразность золъ были и таковы, какъ вамъ, кажется, желается) надѣюсь, что вы не будете больше говорить мнѣ о томъ, что должно оскорблять меня, и что слушать мнѣ воспрещается.

(*) А, Графиня! что вы дѣлаете? ужли вы думаете, что недоконченное восклицаніе будетъ не понятно? Остерегитесь, любовники и полуслова отгадываютъ.

Примѣчаніе издателя.

Я родилась въ Провинціи, не всегда Франціи принадлежавшей. Элзасъ мое отечество. Предки мои отличалися между Нѣмецкимъ дворянствомъ, да и потомки ихъ не совсѣмъ еще лишены были сего преимущества, когда Людовикъ XIV подчинилъ страну нашу обладанію своему. Сей великій Монархъ облагодѣтельствовавъ моего прадѣда, понудилъ его чрезъ то наиусерднѣйше къ особѣ своей прилѣпиться. Дѣдъ мой съ отличностію служилъ при его преемникѣ; а отецъ мой и умеръ въ послѣднюю войну въ службѣ Французской.

Я была еще въ колыбели, когда безжалостныя парки повергли мать мою во гробъ. По наступленіи осьмилѣтняго возраста моего, отецъ мой отдалъ меня въ монастырь, гдѣ я и жила до пятнадцати лѣтъ. Ежели извѣстны вамъ оныхъ мѣстъ уставы, то легко можете вообразить себѣ о различныхъ упражненіяхъ и забавахъ, коими сія первая эпоха младости моей была наполнена; таковая подробность была бы безполезна и безъ сомнѣнія скучною бы вамъ показалася. Отецъ мой былъ одинъ только мущина, коего я видала, да и онъ приходилъ ко мнѣ очень рѣд-

ко. Въ семъ священномъ мѣстѣ никогда имя любовника не произносилось; въ немъ ни о чемъ такъ не старались, какъ отвратить меня отъ міра, внушить омерзѣніе къ правиламъ, отвращеніе къ утѣхамъ его. Душу мою питали единственно уроками добродѣтели, а склонности обращали къ вещамъ небеснымъ. И такъ, судите, могло ли подобное воспитаніе произвесть любовь въ моемъ сердцѣ! Не солгу, ежели скажу, что я была уже на возрастѣ, а еще не знала различія, между двумя полами находящагося.

Едва только минуло мнѣ пятнадцать лѣтъ, какъ родитель мой пришедши однажды посѣтить меня и принявъ видъ откровеннѣе обыкновеннаго, дочь моя, сказалъ онъ мнѣ съ милостивою улыбкою, сопровождаемою однакожъ нѣкоею печалію: полку моему приказано садиться на суда, да и я получилъ повелѣніе съ нимъ же отправиться. Не знаю, чѣмъ кончится сія компанія; можетъ быть я не увижу уже болѣе нашей благословенной страны. Кто можетъ предвидѣть всѣ могущія случиться приключенія! Въ неизвѣстности о собственной моей участи мнѣ хочется по крайней мѣрѣ твою основать: я

выбралъ для тебя богатаго жениха, равнаго намъ въ благородствѣ, человѣка честнаго, которой въ состоянїи учинить тебя щастливою и заступить мѣсто отца, когда непредвидимыя обстоятельства лишатъ тебя даннаго тебѣ отъ естества.

Когда родитель мой говорилъ мнѣ такимъ образомъ, я утопала въ слезахъ. Горестныя размышленїя, купно съ извѣстїемъ о скоромъ отъѣздѣ его въ новый міръ, весьма сильно растрогали мою чувствительность и нѣжность. Разставаяся со мною предъувѣдомилъ онъ меня, что въ слѣдующїй день прїѣдетъ ко мнѣ мой женихъ, и что онъ надѣется обрѣсти во мнѣ желаемое имъ себѣ повиновенїе.

Я никакъ не могу изъяснить вамъ того, что чувствовала я при возвращенїи въ свою комнату и приводя себѣ на память все, мною слышанное. Чрезмѣрная моя молодость не препятствовала мнѣ имѣть справедливое о вещахъ понятїе и разсуждать по натуральному побужденїю, рѣдко въ заблужденїе насъ приводящему. Вамъ извѣстно, что разумъ развертывается у женщинъ скорѣе, нежели у мущинъ: по чему хотя мнѣ было и незнаемо ис-

тинное брачнаго учрежденія правило; но я знала, что въ мужѣ получаю себѣ господина, подвергаюсь его изволеніямъ, вкусамъ и своенравію; знала, что жребій мой будетъ соединенъ съ его жребіемъ неразлучно до самой смерти, что онъ пріобрѣтетъ надо мною и надъ имѣніемъ моимъ неограниченное право, а по сему не довольно ли было причинъ повергнуть меня на долгое время въ важныя размышленія! Сверьхъ того я чувствовала нѣкоторое влеченіе къ уединенной жизни, нѣкую тайную къ монашеству наклонность, полученную мною можетъ быть отъ того образа жизни, каковую вела я въ монастырѣ, и которую весьма удобны были усилить чинимыя мнѣ непрестанно о мірѣ и заблужденіяхъ онаго описанія.

По всюду находя препятствія, казавшіяся мнѣ непреодолимыми, не знала я, что мнѣ избрать надлежало, и для того ввѣрила мое недоумѣніе одной доброй монахинѣ, которая жила со мною дружно и по совѣтамъ которой я рѣшилась. Вы еще молоды, сказала мнѣ сей добродѣтельный другъ, и въ ваши лѣта прельщаются обыкновенно наружностію, останавляются на

поверьхности и совсѣмъ не простираютъ примѣчательнаго ока на другую сторону, слѣдовательно не достаетъ вамъ опыта, сего единственнаго кормчато благоразумія, и я васъ извиняю. Не думай, дитя мое, чтобъ не замужство, столь лестнымъ вамъ кажущееся, и монашеское состояніе, коимъ вы толико очарованы, были изъяты отъ скорбей и непріятностей. Я могла бы разсказать вамъ множество случаевъ, которые показались бы вамъ новы, но которые однакожъ тѣмъ не менѣе подлинны. Сдѣлаю больше: я хочу примирить васъ со свѣтомъ и съ мущинами. Не думайте, что всѣ они суть злы, негодны, развращенны. Между ими есть можетъ быть гораздо болѣе ревностныхъ добродѣтели обожателей, нежели между нами, поелику у насъ уваженіе оной нѣкоторымъ образомъ принужденное. Нѣтъ для меня ничего прекраснѣе, трогательнѣе, божественнѣе, какъ видѣть двухъ супруговъ, молящихъ и чтущихъ Бога единымъ духомъ и сердцемъ. Бракъ есть столь священный союзъ, каковый только могъ быть на земли установленъ. Се есть, такъ сказать, видимая и всегда продолжающаяся цѣпь, которая присоединяетъ къ

Божеству всѣ сотворенныя существа. Титло супруги! . . . Ахъ! юный мой другъ! та, которая носитъ и прилично уважаетъ его, достойна олтарей, когда бы позволялось токмо воздавать другому, кромѣ Бога служенiе, единственно Самому Себѣ Имъ предоставленное.

Признаюсь, что сей простой и безъ искусства разговоръ, произнесенный дружсствомъ и отъ искренняго сердца, перемѣнилъ вдругъ мои чувства и произвелъ благопрiятствующiя намѣренiю родителя моего впечатлѣнiя. Сей достойный другъ присовокупила много еще другихъ доказателъствъ, которыя заставили меня рѣшиться.

На другой день родитель мой представилъ мнѣ Графа д'Озамбрюна, сказавъ, что то лучшiй его другъ, и что я съ своей стороны также должна стараться содѣлаться достойною его. Это не очень трудно, отвѣчалъ Графъ вѣжливо: довольно только увидѣть дѣвицу и узнать, что она дочь Барона де*, дабы повергнуть къ ногамъ ея свое сердце; но тотъ, кто пожелаетъ учиниться достойнымъ уваженiя и дружбы ея, будетъ имѣть много труда въ томъ предъуспѣть.

Изъясненіе толико ласкательное и столь искусно обращенное, которое относилось и до родителя моего и до меня совокупно, и въ которомъ не примѣтно было ни высокомѣрія, ни самодовольства, а показывало единственно скромность и довѣренность произнесшаго оное, преклонило меня совершенно въ пользу Г. д'Озамбрюна. Ростъ имѣлъ онъ средній; и видъ больше пріятный, нежели дурный, изъявлялъ всѣ признаки здравія и благополучія; честность души и сердечное удовольствіе въ глазахъ его было написано. Когда онъ говорилъ, то пріятный бальзамъ увѣренія истекалъ изъ устъ его и вливался во всѣ сердца: онъ былъ втрое меня старѣе, но едва примѣтно было сіе различіе, столь былъ онъ здоровъ и моложавъ.

Первое свиданіе прошло въ однѣхъ церемоніяхъ и обыкновенныхъ учтивостяхъ. Чрезъ нѣсколько дней Графъ вторично посѣтилъ меня. Онъ объявилъ мнѣ о своей любви и присовокупилъ, что хотя имѣетъ онъ согласіе родителя моего на бракосочетаніе со мною; но руки моей инако принять не желаетъ, какъ отъ меня самой и изъ доброй моей воли. Я отвѣчала, что почи-

тваю должностію повиноваться повелѣніямъ родителя моего, и его выборъ долженствуетъ опредѣлить мой; но что ежели бы я и свободна была располагать собою въ чью либо пользу; то не могла бы ничего лучше сдѣлать, какъ дать преимущество Графу д'Озамбрюну. Отвѣтъ мой, казалось, удовольствовалъ его, и онъ поѣхалъ отъ меня со всѣми знаками радости и удовольствія, свойственными не весьма много на себя надѣющимся. Меньше недѣли свадебныя приготовленія были кончены, и мы соединились бракомъ на канунѣ отъѣзда моего родителя.

Я прохожу молчаніемъ сіе горестное разлученіе, а хочу только говорить съ вами о моемъ супругѣ. А! государь мой! гдѣ сыщу я изреченія довольно сильныя, изъясненія довольно убѣдительныя, для начертанія блаженной жизни, каковою въ продолженіе четырехъ лѣтъ наслаждалась я съ почтеннымъ моимъ супругомъ, котораго, увы! ненавистная клевета меня лишила? Какая пріятность въ рѣчахъ, какая тихость въ характерѣ, какое равенство во нравѣ его! Какое благородство души, какія высокія чувства, какая разборчивость во вкусѣ! По чувстви-

тельному своему сердцу не отсылалъ онъ ни одного нещастнаго отъ себя, не подавъ ему какой либо помощи. Многократно видала я, что онъ отдавалъ все, что имѣлъ, и не рѣдко лишалъ себя нужнаго, дабы пропитать бѣдное семейство, или освободить нещастнаго отъ преслѣдованія заимодавцовъ, или чтобъ привести въ прежнее состояніе честнаго человѣка, незапнымъ случаемъ въ нищету поверженнаго! И мой супругъ могъ быть виновенъ!... Ахъ! естьли пятидесятилѣтней безпорочной жизни не довольно еще для доказательства его невинности: то кто послѣ сего осмѣлится присвоять себѣ добродѣтель, благоразуміе и справедливость?

Я провождала съ симъ достойнымъ супругомъ дни щастливые и спокойные. Не испытала я, буде вамъ угодно, сего боренія чувствъ, сего упоенія утѣхами, сихъ сопровождающихъ любовь сладострастныхъ сотрясеній, и кои, какъ говорятъ, могутъ только чувствовать двое любящихся, равномѣрно воспламененныя; но я уважала супруга моего, чтила его добродѣтели, любила все ему принадлежащее и ничего больше не воображала, кромѣ

сихъ спокойныхъ наслажденiй. Сего было довольно для учиненія меня щастливою, и я таковою была въ самомъ дѣлѣ. Ахъ! почто за сію цѣну я не есмь уже таковою? Теперь подобное щастiе купила бы я половиною жизни своея.

Но вотъ, наконецъ дошла я до нещастнаго произшествія, заставившаго меня пролить множество слезъ, которое принуждаетъ еще къ пролитію оныхъ, и которое можетъ быть до самаго гроба заставитъ проливать ихъ! Г. д'Озамбрюнъ былъ весьма честной человѣкъ, имѣлъ такія благородныя и тонкія чувствован я, каковыхъ конечно не имѣютъ хитрые люди. Мысли свои изъяснялъ онъ съ такою же свободностію въ Парижѣ, какъ бы то сдѣлалъ онъ въ Римѣ или въ Лондонѣ. Къ нещастію, по дарованіямъ и по рожденію своему почиталъ онъ себя достойнымъ первыхъ степеней въ государствѣ; а сего уже было и довольно къ тому, чтобы навлечь на себя тьму скрытныхъ непріятелей, кои подъ ложнымъ блескомъ коварной дружбы условились въ тайнѣ погубить его. Справедливую, хотя нѣсколько строгую критику, на нѣкоторыя дѣла прави-

тельства, перетолковали они злобно и безчестными происками учинили его Королю подозрительнымъ. Первое однакожъ покушеніе, не получивъ соотвѣтствующаго желанію ихъ успѣха, побудило ихъ принять другія мѣры и по гнусной злобѣ взвести на супруга моего, будто бы онъ хотѣлъ измѣнить государственнымъ тайнамъ. Въ слѣдствіе чего дано было о задержаніи его повелѣніе: черезъ два часа надлежало его захватить и влечь недостойно въ мрачную темницу; онъ же между тѣмъ сидя у камина разговаривалъ со мною, совсѣмъ не помышляя о государственныхъ дѣлахъ, а тѣмъ меньше о страшномъ ударѣ, для него приуготовленномъ. Одинъ великодушной человѣкъ, бывшій другомъ ему, (хотя и никогда не дѣлалъ увѣреній о своей дружбѣ) посланный безъ сомнѣнія покровительствующимъ божествомъ, прибѣжалъ его о томъ предъувѣдомить. Супругъ мой, удивяся столь ненавистному оговору, хочетъ въ туже минуту итти оправдаться предъ своимъ Монархомъ, или потерять свою голову; но его извѣщаютъ, что всѣ признаки противъ его; что непріятели готовы къ клятвопреступству, и лжи всякаго рода подъ

видомъ истинны; что нѣтъ возможности вывести Государя изъ заблужденія; что должно уступить на нѣкоторое время обстоятельствамъ, дать пройти первой бурѣ и ожидать отъ времени совершеннаго оправданія. Мои слезы, прошенія и убѣжденія друга его, рѣшили наконецъ супруга моего къ побѣгу въ иную страну. Онъ вырвался изъ моихъ объятій, проливъ нѣсколько слезъ и обѣщавъ извѣстить меня о мѣстѣ убѣжища своего.

Вообразите, естьли можете, чрезмѣрность скорби и сокрушенія моего, когда пришедши въ себя отъ обморока, продолжавшагося шесть часовъ, стала я разсматривать странное сіе произшествіе и представлять себѣ весь ужасъ настоящаго моего положенія! Говорятъ, что отъ печали не умираютъ, и это истинна: не возможно описать душевнаго сокрушенія и терзанія сердца моего! Что сдѣлалось съ супругомъ моимъ? куда направилъ онъ стопы свои! будетъ ли онъ столь щастливъ, чтобъ избѣжать отъ преслѣдованія и поисковъ жестокихъ гонителей своихъ, бѣшенство которыхъ безъ сомнѣнія усугубилось побѣгомъ жертвы ихъ? Какой жребій для меня самой пред-

оставленъ? Одна, безъ друзей, оставленная отъ всѣхъ, находя всѣ сердца заключенными отъ моихъ жалобъ, нечувствительными къ моленіямъ моимъ, не получая ни отъ кого утѣшенія: вотъ сколь плачевна была моя участь! Таковы были горестныя размышленія, непрестанно меня занимавшія и день отъ дня поразительнѣе становившіяся. Къ довершенію нещастія пришло ко мнѣ извѣстіе о кончинѣ родителя моего, который убитъ при осадѣ Гренады. Сего уже съ лишкомъ было много для меня на то время! Сложеніе мое, хотя весьма крѣпкое, не могло противиться толикимъ нападеніямъ: я занемогла, и болѣзнь моя, въ началѣ весьма жестокая, потомъ не столь опасная, продолжалась годъ. Скоро уже будетъ три года, какъ супругъ мой уѣхалъ, а я никакова объ немъ не имѣю извѣстія. Не знаю, живъ ли онъ, или смерть окончила нещастія его. Ахъ! можетъ быть истаеваетъ онъ въ какой либо страшной темницѣ! Всѣ чинимыя мною о немъ изысканія осталися безплодны. О супругъ мой! гдѣ бы ты ни былъ, въ какой отдаленной странѣ ни обитаешь, воспріими клятву, мною произносимую: я буду

любить тебя и пребуду вѣрною тебѣ даже до гроба.

Вотъ, государь мой, что я имѣла сказать вамъ: сїе объясненїе сдѣлала я для того, чтобы нѣкоторымъ образомъ отплатить вамъ за великодушное ваше пожертвованїе своею жизнїю для спасенія моей; въ разсужденїи изъявляемаго вами желанія прилѣпиться къ добродѣтели и честности; наипаче же для того, чтобы вы постарались исцѣлиться отъ страсти, ежели она въ истинну такова, какъ вы говорите. Я не хочу . . . и не могу ей соотвѣтствовать. Надѣюсь, что вы по крайней мѣрѣ не будете о томъ болѣе напоминать, и что въ послѣднїй разъ говорится сїе между нами. Въ прочемъ, ежели вы цѣните во что нибудь мою дружбу, то я отъ чистаго сердца ее вамъ предлагаю, поелику вы на нее неоспоримое имѣете право, и я съ удовольствїемъ на оное соглашаюсь. Вы довольно чувствуете, что сїе одно состоитъ только въ моей возможности. Простите, государь мой!

Изъ Парижа, 15 Іюля.

ПИСЬМО X.

Отъ Маркиза Алозана къ Графинѣ д' Озалброн...

Надлежитъ убѣгать васъ, сударыня! Я почитаю то должностію и необходимостію. Поелику вся надежда, возродить въ сердцѣ вашемъ внушенныя вами чувствованія, у меня отнята: то можетъ быть отсутствіе возвратитъ мнѣ равнодушіе; можетъ быть сыщу я въ отдаленіи отъ васъ то блаженное спокойствіе, коего прелести и добродѣтели ваши меня лишили; можетъ быть со временемъ могу я позабыть васъ и изгладить въ душѣ моей вашъ образъ, обожанія достойный! Естьли же не предуспѣю въ толь трудномъ предпріятіи, то по крайней мѣрѣ одинъ буду нещастливъ. Стану сносить въ молчаніи и не жалуясь бѣдствія и страданія мои. Присовокуплять къ горестямъ вашимъ еще упорство любить васъ въ противность воли вашея, и вамъ говорить о томъ, было бы съ моей стороны варварство. Одинъ сочинитель въ божественномъ твореніи своемъ ска-

залъ: (*) ,,оставленный любовникъ мо-
,,жетъ огорчаться; но оскорблять по-
,,ступками, рѣчами, разговорами обо-
,,жаемую красавицу, и возмущать ся
,,спокойствіе, было бы злодѣяніе. Еже-
,,ли такъ должно обходиться съ из-
,,мѣнницами, то чѣмъ же не обязаны
,,уже такимъ, которыя не пріемлютъ
,,поклоненія нашего единственно по
,,сердечному ожесточенію или нечув-
,,ствительности.

,,Гнать сердца нѣжнаго отнюдь я не желаю,
,,А умягчить его стараньемъ уповаю."

И такъ успокойтесь, сударыня! Любовникъ, васъ обожающій, не станетъ васъ преслѣдовать, поелику онъ волю вашу предпочитаетъ своей любви. Я могу воздерживать мою горячность, умѣрять пылкость и укрощать жела-

---

(*) Думаютъ, что то Волтеръ въ безстыдномъ своемъ сочиненіи: Орлеанская дѣва; но Графиня д'Озамбрюнъ на вѣрное не читала сей книги.

Примѣчаніе издателя.

нія. *Я* держусь мнѣнія одного сочинителя, сказавшаго:

„Неволить твоего я сердца не хочу.

Но не хочужъ при томъ и слѣдовать его совѣту, чтобы *искать инде пріятнѣйшаго рабства*, когда плѣнившая меня не можетъ *горѣть ко мнѣ* равнымъ моему пламенемъ. Могу ли я другимъ служеніемъ осквернить тотъ храмъ, въ которомъ вы первое занимаете мѣсто? Какъ могу я пожертвовать другой тѣми чувствованіями, кои вы токмо однѣ внушать удобны. Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! доколѣ буду жить, дотолѣ не будете вы имѣть соперницы. Вы однѣ будете обитать въ чувствительномъ сердцѣ моемъ, и къ вамъ однимъ сохранитъ оно истинную и чистую любовь.

Напрасно подозрѣваете вы меня, что будто впаду я паки въ прежнія мои заблужденія. Ахъ, сударыня! вы сомнѣваетесь въ искренности и чистосердечіи моемъ. Ежели вы не хотите быть снисходительны, то будьте хотя справедливы. Чтобы могло принудить меня къ извѣщенію васъ о постыдныхъ слабостяхъ, заблужденіяхъ и глупо-

стяхъ моихъ? Безъ собственнаго моего признанія вы никогда, можетъ статься, не узнали бы, каково было прежнее мое поведеніе. По крайней мѣрѣ, я бы могъ разцвѣтить описаніе, прикрыть тѣнію самыя безобразныя и отвратительныя мѣста; но я все сказалъ, во всемъ признался. Слѣдуя искренности и чистосердечію моему, я не скрылъ ничего, какъ изъ того, что дѣлало меня презрѣннымъ, такъ и изъ того, что могло нѣкоторымъ образомъ послужить мнѣ въ извиненіе. Я желалъ пріобрѣсть любовь вашу искренностію и совсѣмъ не думалъ обмануть или обольстить васъ. Мнѣ казалось, что гораздо честнѣе и справедливѣе дать вамъ знать, каковъ тотъ человѣкъ, которой вознамѣрился пожертвовать вамъ искреннымъ чувствованіемъ и сердцемъ своимъ. Должно ли же, чтобы праводушіе и чистосердечіе мое противу меня же обращены были, и чтобы долженствовавшее снискать уваженіе и великодушное ваше обо мнѣ сожалѣніе, внушило вамъ подозрѣніе о моей искренности? Я вамъ же самой отдаюся на судъ, заслужилъ ли я оное? Богъ мнѣ свидѣтель, что я совсѣмъ не льщусь тронуть непреклонное ваше сердце и по-

селить въ немъ взаимную любовь, которой я можетъ быть не недостоинъ (*). Между тѣмъ, сударыня, я никакъ не отмѣню моей рѣшимости: отрицаюся навсегда отъ распутной жизни и отъ всѣхъ тѣхъ поддѣльныхъ утѣхъ, кои развращаютъ душу, не довольствуя сердца. Неизъясненная добродѣтели прелесть есть такова, что сколь скоро животворные лучи премудрости проникнутъ въ душу, то она въ одну минуту покоряетъ и увлекаетъ ее. Тако видимъ мы распускающіеся въ почкахъ цвѣты, открывающіе нѣдра свои для воспріятія утренней росы, какъ скоро аврора сребристыми своими перстами отверзаетъ небесныя врата и приноситъ съ собою на землю игры, смѣхи и удовольствія.

И такъ, когда вопреки всѣхъ моихъ усилій любовь все еще меня тревожитъ, и когда при всемъ моемъ стара-

---

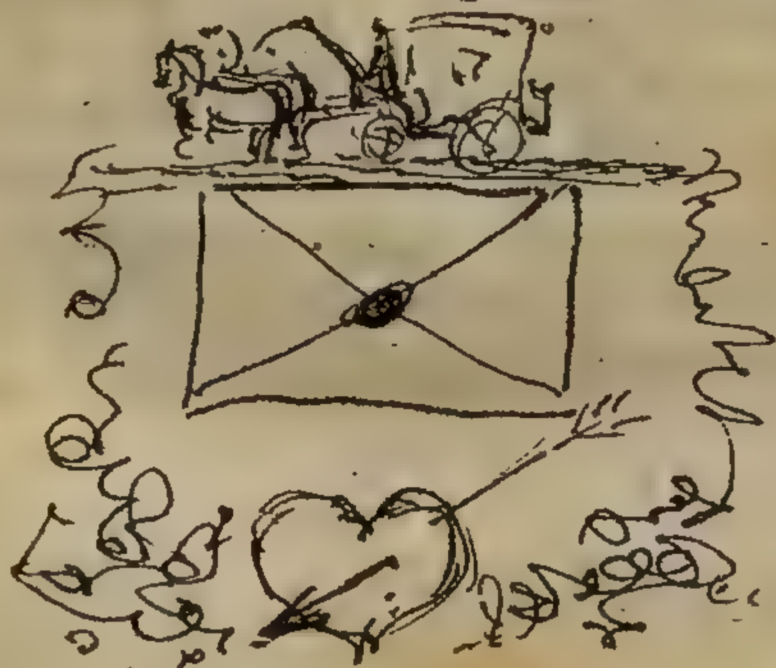
(*) Ты лжешь, Г. Маркизъ, ты имѣешь еще нѣкоторую тѣнь надежды. Писанное тобою письмо изъ деревни къ твоему другу то доказываетъ.

Примѣчаніе издателя.

кіи не могу я исторгнуть изъ сердца своего злополучной стрѣлы, оное уязвившей, то что дѣлать мнѣ остается? Умереть! да сударыня, умереть. Одинъ только трусъ любитъ лучше жить въ нещастіи, унывать, мучиться безпокойствомъ, снѣдатся скукою и печалію и изнемогать подъ бременемъ безмѣрныхъ страданій своихъ, а не осмѣливается перешагнуть сію преграду, которая опасна, можетъ быть, по одному только виду. Чтожъ до меня принадлежитъ, то я хочу лучше подражать Александру, которой вмѣсто того, чтобъ заниматься развязываніемъ Гордіева узла, разсѣкъ оный.

Прости, жестокая, свирѣпая и безчеловѣчнѣйшая изо всѣхъ женщинъ! Когда будете вы читать сіе письмо, то я буду весьма уже далеко отъ васъ.

Парижъ, 16 Іюля.

ПИСЬМО XI.

Отъ Маркиза Алозана къ Шевалье Мармейлю.

Ахъ, жестокой! ты издѣваешся надо мною въ такое время, когда ты долженствовалъ сожалѣть обо мнѣ и извинять мою слабость! Сей ли есть языкъ дружбы? Не уже ли думаешъ ты насмѣшками и ругательствами исцѣлить язву моего сердца? Когда болѣзнь очень усилилась, тогда всѣ лѣкарства уже безполезны. Болящему нужны однѣ утѣшенія. Употреблять въ сіе время язвительную колкость, есть пуще раздражать скорбь вмѣсто облегченія оной.

Таково точно есть жалкое и друга твоего положеніе. Любовь его столь увеличилась, что всѣ земныя и небесныя силы не токмо разрушить, но ниже поколебать оной не въ состояніи. Это такое упоеніе, безуміе, бѣшенство, коихъ не испытавъ собою, представить себѣ не возможно.

О, другъ мой! какъ я нещастливъ! Я не вижу никакого средства ни искоренить изъ сердца моего безумной стра-

сти, ни принудить раздѣлить оную со мною ту, которая очаровала мою душу. Прочти поразительное письмо, полученное мною въ отвѣтъ на мое къ ней писанное, которое я при семъ же прилагаю. По прочтенїи не забудь скорѣе возвратить ихъ ко мнѣ. Увѣдомь, хорошо ли я по мнѣнїю твоему началъ, дабы тронуть сердце красавицы? Какъ ты думаешь, осталась ли мнѣ какая надежда сдѣлать ее чувствительною и восторжествовать надъ ея предразсудками? Надѣешся ли ты . . . Ахъ! другъ мой! изъ сожалѣнїя ласкай мнѣ сладкою мечтою, прїятными надежды воображенїями! Доколѣ сїе божество, часто мечтательное, но всегда лестное, меня не покинетъ, дотолѣ жизнь моя будетъ мнѣ еще драгоцѣнна.

Я живу въ замкѣ де * * * Ты можешь туда ко мнѣ писать. Мнѣ хотѣлось испытать, можетъ ли отсутствїе уменьшить любовныя страданїя; но увы! со времени моего отъ нее удаленїя тысящекратно усугубились мученїя мои! Обожаемый ея образъ всюду меня преслѣдуетъ; я кромѣ ее ничего не вижу, не чувствую, и дышу, такъ сказать, ею; сердце мое паче и паче стѣсняется узами моего рабства. Я хожу,

возвращаюсь, бѣгаю, употребляю всѣ средства для разсѣянія мыслей своихъ и хочу забыть ее, ежели можно; но всѣ мои вздохи къ одному только относятся предмету. Неизбѣжный кругъ помышленій, чувствованій и воображеній всегда меня къ ней приводитъ и противъ воли ею меня занимаетъ. — Знай, злоязычникъ! что естьли бы хотѣлъ я за твои издѣвки мстить тебѣ, то ничѣмъ бы такъ до намѣренія моего не достигнулъ, какъ пожелавъ, чтобы ты былъ на моемъ мѣстѣ.

Надобно однакожъ прекратить на минуту любовныя и огорчительныя мои размышленія, и поговорить съ тобою о другѣ нашемъ Лозюнѣ, разсказавъ его похожденіе. Мнѣ кажется, что ты нетерпѣливо желаешъ оное знать, а я не столь жестокъ, чтобы заставить тебя еще долѣе онаго ожидать. Статься также можетъ, что воспоминаніемъ его подвиговъ и моя отважность оживится; можетъ быть стыдъ и досада, что отсталъ отъ тѣхъ, кои всегда были меня ниже, возвратятъ мнѣ бодрость и силы мои. Тебѣ знакома старая Герцогиня де Пермансъ. Знаешь также, что она проведя молодость свою среди шума и забавъ боль-

шаго свѣта, въ которомъ, будучи окружаема множествомъ обожателей, последуема толпою модныхъ своего времени щеголей, видѣла, что каждый изъ нихъ устремивъ алчные взоры на глаза ея, искалъ въ нихъ отличія себѣ взглядомъ или пріятною ея улыбкою; и что наконецъ примѣтя комнаты свои пусты и не отзывающіяся больше шумомъ ласкательныхъ рѣчей; что повсюду около ея царствовало угрюмое безмолвіе; что общество ея составляли уже только однѣ старыя пустомѣли, которыя съ досады и бѣшенства превозносятъ единственно разумъ, добрыя качества, зрѣлый возрастъ, а милую молодость ставятъ ни во что, или дураки и объѣдалы, коихъ хладные и непріятные разговоры, притворныя и грубыя хвалы, площадныя и глупыя рѣчи наводятъ скуку, причиняютъ зѣвоту, склоняютъ ко сну; ты знаешь говорю я, что сія бѣдная Герцогиня, видя себя одну и оставленну свѣтомъ, въ которомъ, по собственному ея чувствованію, не могла уже играть иной роли, кромѣ скучной зрительницы, преобразилася вдругъ и сдѣлалась набожною — Со вкусомъ сдѣланныя платья, ленты, шляпки, и всѣ уборы были пе-

ремѣнены на скучную одежду лицемѣрства. Не въ состоянии будучи больше дѣйствовать на театрѣ житейскихъ утѣхъ, она избрала себѣ въ дѣйствующее лице роль охуждательницы.

Вотъ же какимъ образомъ провождала она обыкновенно свое время: слушала проповѣди, разговаривала наединѣ съ наставникомъ своимъ, злословила ближняго и во весь голосъ кричала противу забавъ, въ которыхъ къ крайнему ея сожалѣнію не позволялось уже болѣе ей участвовать. Нѣкогда была она въ гостяхъ у одной изъ тѣхъ женщинъ, кои лишась подобно ей преимущества занимать публику собою и разставшись навсегда съ провожавшими ихъ молодыми людьми, пріятностями, играми и смѣхами, принуждены сидѣть дома и довольствоваться одними разсказами о утѣхахъ другихъ. Собраніе было многолюдное; тутъ было также нѣсколько и такихъ нимфъ, кои съ помощію сокровеннаго искусства освѣживъ тѣнь, возродя розы и лилѣи на полусморщившемся лицѣ своемъ, могли еще надѣяться плѣнить какого либо провинціальнаго жителя или школьника. Разговоръ обратился на ежедневныя городскія приключенія; тутъ пересматри-

вали всѣ наши подвиги. Дошло также и до Лозюна; вся полувѣковая толпа женщинъ распространила матерію о семъ бѣднякѣ и напустила на него по очередно. ,,О что до него принадлежитъ, сказала набожная и разгорячившаяся Пермансъ, то его нѣчего ,,бояться. Сколь онъ ни пригожъ собою, но я никакъ не повѣрю, чтобы ,,онъ могъ когда либо заставить меня ,,слушать о любви и увѣрить меня въ ,,ней, хотя бы я была безъопытна и ,,не старѣе пятнадцати лѣтъ.,,

Сей разговоръ былъ пересказанъ нашему другу. По наружности казалось, что онъ его не уважилъ; но во глубинѣ сердца поклялся за то отмстить примѣрнымъ образомъ. Чтобы удобнѣе достигнуть до своего намѣренія, то притворился, что повѣсничество ему наскучило, и что онъ рѣшился перемѣнить свое поведеніе. Воспріявъ поступь ханжи, черты лицемѣрія, совершенно набожный видъ, онъ такъ преобразился, что не токмо всѣ сторонніе, но даже и товарищи его тѣмъ обманулись. Онъ захотѣлъ отъ сихъ послѣднихъ лучше быть освистанъ, нежели открывъ имъ свою тайну, не достигнуть чрезъ то къ цѣли своей.

Когда онъ увѣрился, что произвелъ желаемыя о себѣ впечатлѣнія, то предсталъ въ общество Герцогини, и съ притворнымъ видомъ раскаянія, произведеннаго въ немъ ея жизнію, благочестивыми сужденіями о заблужденіяхъ настоящаго вѣка, чрезмѣрными хвалами пріятностей разумнаго и порядочнаго поведенія, старался пріобрѣсть старухину довѣренность и усугубилъ попеченія и вниманія свои; а чтобы возродить желанія въ сердцѣ, въ которомъ тлѣющагося огня не могли еще угасить ни лѣта, ни чрезмѣрныя наслажденія: то употребилъ въ пользу всѣ обстоятельства. Когда же довелъ свою жертву до желаннаго пункта, такъ, что она рѣшилася учинить его щастливымъ: то предложилъ ей маленькой свой домикъ въ Бельвилѣ, дабы избѣжать чрезъ-то всѣхъ подозрѣній, затворить злоязычникамъ ротъ, и безъ боязни и въ полной безопасности предаться утѣхамъ, взаимною любовію сопровождаемымъ. Сперва она колѣбалась, но напослѣдокъ склонилась на убѣжденія и нѣжныя прозьбы любовника, которымъ думала быть любима отъ чистаго сердца; любовника, которой толикую оказывалъ нетерпѣ-

ливость получить награду за свою любовь.

Когда Лозюнь исторгъ обѣщанiе, коего испрашивалъ со всѣмъ жаромъ истинной преданности, и любви самой искреннѣйшей и наисильнѣйшей, и когда она назначила день, названной имъ *щастливѣйшимъ днемъ въ жизни своей*: то написалъ пригласительную записку къ друзьямъ своимъ и къ нѣкоторымъ знакомымъ мнимой своей любовницы, коею просилъ прiѣхать въ назначенный день и часъ на мѣсто, избранное имъ въ театръ мщенiя своего, присовокупивъ, что имѣетъ сообщить имъ дѣло весьма великой важности.

Всѣ приглашенные явились исправно въ назначенное мѣсто. Просятъ ихъ войти въ залу во ожиданiи прибытiя хозяина. Слугѣ Лозюнову приказано было просить собранiе хранить глубокое молчанiе до того времени, какъ появится господинъ его, а между тѣмъ прiуготовили бы внимательное ухо къ тому, что въ побочной горницѣ происходить будетъ. Туда-то герой нашъ провелъ старую дуру, и бросясь предъ нею на колѣни: наконецъ (сказалъ онъ самымъ страстнымъ голосомъ) сей щастливый день совершитъ всѣ мои обѣ-

ты и пламенныя желанія. Побѣду, которую одержать надѣюсь, на всѣ земные троны я не промѣняю. Неожидаемое щастіе, что вижу себя любима совершеннѣйшею въ свѣтѣ женщиною, причиняетъ во мнѣ такой восторгъ, радость и удовольствіе, коихъ изъяснить не могу. Желалъ бы я, когдабъ то только было возможно, содѣлать всю вселенную свидѣтельницею славы и восхищенія моего! Но скажите, прелестная моя Герцогиня, скажите: искренно ли дѣлите вы любовь, которую прекрасныя ваши очи (замѣтьте, что они были красныя, малыя и гноемъ наполненныя) въ меня внушили? Ощущаете ли вы пламень моему подобный? Могу ли я положиться на взаимную вашу нѣжность? Ахъ, Лозюнь, (вскричала Мессалина, поднимая его и умягчая сколько можно визгливый свой голосъ) поступокъ мой не доказываетъ ли тебѣ всей власти, каковую имѣешь ты надъ моимъ сердцемъ? Такъ, мой другъ, я тебя люблю, обожаю: ты жизнь мою содѣлываешь мнѣ еще драгоцѣнною! Ты въ душѣ моей возродилъ неизвѣстныя до нынѣ чувствованія; ты первый далъ мнѣ познать, что есть истинная любовь, и я до сего

времени ложныя только впечатлѣнія оной ощущала. Я клянусь жить только для тебя, носить тебя въ моемъ сердцѣ, любить и обожать тебя вѣчно. Когда такъ, то думаю не отречетесь остаться здѣсь до утра? Что скажете вы, моя обладательница? Не противно ли вамъ мое предложеніе? Повелѣвай, мой другъ! (отвѣтствуетъ сластолюбица, которая внутренно желала бы давно прекратить всѣ пустыя разговоры) не совсѣмъ ли принадлежу я тебѣ? Могу ли я имѣть другую волю, кромѣ твоей? Послѣ сего поспѣшно стала раздѣваться и легла въ постелю. Лозюнь же, вмѣсто того, чтобъ соотвѣтствовать ея нетерпѣливости, обратилъ нарочно разговоръ на покойнаго ея супруга. Много ли вы имѣли отъ него дѣтей, сударыня? Двухъ (отвѣтствуетъ застѣнчиво госпожа) Не случалось ли вамъ также родить недоносковъ? Двухъ же, (отвѣчаетъ она сухо, досадуя на всѣ таковые вопросы и неповоротливость его). Ну, такъ это будетъ третій, (и тотъ же часъ пошелъ къ гостямъ, дожидавшимся его въ побочной комнатѣ, смѣяся изо всей силы). Вотъ такъ-то, государи мои, отмщаютъ старой пустомѣлѣ, которая

думала, что я не очень опасенъ. Она говорила, что какъ я ни молодъ, но не въ состоянии заставить слушать ее любовные вздоры, хотя бы она была безъопытна и въ пятнадцать лѣтъ. Теперь видите сами, что не смотря на ея опытность, древность и набожность, я все еще былъ для нея опасенъ. Надѣюсь, что сіе небольшое поученьице исправитъ ее отъ порока осужденія такихъ людей, которые совсѣмъ ее не знали и не думали объ ней. Я прошу васъ, государи мой, не дѣлать изъ того тайны, что вы теперь слышали. Ради славы и чести моей, весьма оскорбленныхъ, надобно, чтобы весь Парижъ былъ извѣщенъ о способѣ мщенія моего.

Ну, славный нашъ Полководецъ! какъ ты думаешь, худо ли исполнилъ Лозюнь предпріятіе свое? И не весьма ли утѣшительно похожденіе его? Со всѣмъ твоимъ разумомъ, дарованіями, со всѣми твоими пособіями, могъ ли бы ты самъ лучше произвести оное въ дѣйство? Бѣдная Герцогиня! очень бы хотѣлось мнѣ видѣть глупое ея лице и забавныя кривлянья, безъ сомнѣнія ею чинимыя, видя себя такъ осмѣянною и слыша язвительныя издѣвки, доходимыя

до нее изъ побочной комнаты, о третьихъ ея родинахъ. Для сокрытія стыда, бѣшенства и отчаянія своего она удалилась безъ сомнѣнія въ какую либо дальнюю провинцію; ибо извѣстно, что на другой же день она оставила Парижъ. Прощай, любезнѣйшій изъ всѣхъ повѣсъ.

Въ замкѣ . . . 18 Іюля.

ПИСЬМО XII.

Отъ Графини д'Озамбрюнъ къ Маркизѣ Мон-клеръ.

Что за важныя дѣла, дорогая Монклеръ, принудили тебя столь поспѣшно оставить Парижъ? Ты увѣдомила меня о своемъ отъѣздѣ простою только въ двухъ строкахъ цидулкою, не сказавъ ничего о побудившей тебя къ тому причинѣ, хотя тебѣ извѣстно, что все до тебя относящееся для меня немаловажно. Я крайне о томъ безпокоюсь. Скажи мнѣ, что та за дружба, которая находитъ забаву въ оскорбленіи милыхъ намъ особъ! Я въ истинну на тебя сердита.

Сверьхъ того не одна скорая и неожидаемая твоя отлучка меня сокрушаетъ. Я имѣю еще собственныя мои печали, но не стану подражать твоей скромности. Гдѣ должно искать и гдѣ можно найти утѣшеніе въ скорби, ежели не въ нѣдрахъ дружества, сего чувствованія, произшедшаго отъ благороднаго и чистаго начала, сообщающаго душѣ такую степень силы, каковую удобна на себя воспріять натура ея? И кто больше меня имѣлъ когда либо нужды въ благотворной помощи сего благосклоннаго божества?

Извѣстно тебѣ оскорбительное произшествіе, при возвращеніи изъ деревни со мною случившееся, и какъ щасливо избавилась я отъ разбойниковъ, на жизнь и честь мою покушавшихся. Знакомъ также тебѣ и великодушный смертный, спасшій меня съ опасностію собственной своей жизни отъ яростнаго звѣрства оныхъ безчестныхъ злодѣевъ. Увѣдомила я тебя и о поступкахъ моего избавителя въ разсужденіи любви, которую, по объявленію его, почувствовалъ онъ, увидя слабыя мои прелести. Чего тогда не говорила ты мнѣ для предостереженія меня отъ обмана, прельщенія и для содѣланія сердца мо-

его неуязвляемымъ любовными стрѣлами! Мое положенїе, должности, обстоятельства говорили еще болѣе; но милый мой другъ! все сїе осталось безполезно: непобѣдимая власть наложила молчанїе моему разсудку. Такъ не довольно еще была я злополучна! Къ дополненїю моихъ нещастїй надобно было, чтобы недостойная и законопреступная страсть умножила еще мои бѣдствїя, и безъ того уже чрезмѣрно великїя! О сколь различнымъ опасностямъ подвержены мы на семъ свѣтѣ! Божественный Промыслъ, сколь ты праведенъ, но сколь же и непостижимъ! . . . О Боже! прости смятенїю моему, или возврати мнѣ спокойствїе мое и добродѣтель.

О ты, кому извѣстны всѣ сердечныя мои чувствованїя, вѣрная хранительница моихъ таинъ, единственная повѣренная всѣхъ моихъ мыслей, снисходительный мой другъ! прїиди, ахъ! прїиди излить въ душу мою сладкїй бальзамъ спасительныхъ твоихъ утѣшенїй! Сердце мое, раздираемое множествомъ противоположныхъ чувствованїй, подобно носящемуся по произволу вѣтра и волнъ кораблю, и то до облакъ отъ волнъ воздымающемуся,

то низвергающемуся въ бездну океана отъ яростнаго Аквилона, да обрящетъ тишину и спокойствіе въ кроткихъ изліяніяхъ дружества, и благоразумными твоими совѣтами да разсѣется, естьли можно, страшная буря, толь гибельная для моего покоя и столь скоро возставшая во всѣхъ моихъ чувствахъ! О Купидонъ, жестокій Купидонъ! ежели нужны тебѣ еще жертвы, то избери свободныя. Безъ меня есть много такихъ, которыя въ удовольствіе поставляютъ себѣ покарятся жестокимъ законамъ твоимъ. Для чего нечистымъ огнемъ своимъ воспламеняешь такое сердце, которое желало бы избѣжать недостойныхъ узъ твоихъ! О супругъ мой! дражайшій предметъ любви и почтенія моего! ты, котораго отсутствіе и нещастія преисполнили скорбію и скукою сердце мое, будь всегда присутственъ моему воображенію! Драгоцѣнное воспоминаніе о твоемъ великодушіи, о твоихъ превосходныхъ добродѣтеляхъ, о твоихъ почтительныхъ качествахъ, наипаче же о твоей безмѣрной ко мнѣ привязанности, да твердится непрестанно въ памяти, да занимаетъ меня онымъ единственно, и да изженяетъ все про-

чія изъ ума моего начертанія! но ахъ! сколь велика слабость моя! истощаю всѣ силы, дабы ни о комъ иномъ не мыслить кромѣ, какъ о воспріявшемъ обѣты и клятвы мои, а въ самомъ дѣлѣ занимаюсь другимъ! Алозанъ, любезный Алозанъ! — Боже! какое имя я произрекла! увы! ежели уже начертала оное рука моя, то по крайней мѣрѣ да загладится оно слезами моими.

Какое письмо я отъ него получила! онъ называетъ меня безчеловѣчною, нечувствительною. Ахъ, ежели бы могъ онъ читать въ сердцѣ моемъ, увы! въ слабомъ моемъ сердцѣ. То увидѣлъ бы, сколь далека я отъ приписываемаго имъ мнѣ равнодушія, для чего не говоритъ онъ правду; я была бы меньше виновна, а больше можетъ быть щастлива. Но я люблю, горю, сожигаюсь пожирающимъ огнемъ, и что несноснѣе, должна о томъ молчать и отъ всѣхъ скрывать тайну пламенной своей любви. Ахъ! естьлибъ онъ истинно любилъ меня, такъ какъ я люблю его, то и тогда меньше бы, не жели я, достоинъ былъ сожалѣнія. Достоинъ сожалѣнія! о нѣтъ, не льзя тому статься. Любовь его умѣренна и спокойна, или лучше сказать, не лю-

бовь то, но не большое своенравіе или прихоть, легкій и преходящій жаръ, чадо воображенія, которое подобно убѣгающей и исчезающей тѣни, въ мигъ пропадаетъ. Я посылаю къ тебѣ прощальное его письмо. Изъ него усмотришь, съ какою холодностію онъ меня оставляетъ и съ какимъ равнодушіемъ на оное рѣшится. — Онъ говоритъ, что не хочетъ ни принуждать моего сердца, ни любить меня противъ воли моей и преслѣдованіемъ своимъ возмущать мое блаженство. — Ахъ! когда бы онъ подлинно меня любилъ, то оставилъ ли бы такъ скоро? Могъ ли бы онъ рѣшиться не видѣться больше со мною? — Что я говорю, нещастная! вмѣсто того, чтобы благодарить его за сіе пожертвованіе, которое можетъ быть для него гораздо тягостнѣе, нежели я думаю, вмѣсто того, чтобы хвалить его за великодушной поступокъ, я дерзаю жаловаться, что онъ рѣшился самъ собою на то, чего я требовать и что предписать ему долженствовала. Таковое неизъяснимое противоборствіе ясно изображаетъ заблужденіе души моей, терзаніе сердца и страшное мыслей моихъ преобращеніе! ахъ! кто узнаетъ любовь и почувству-

ет все то, что я чувствую, тот великаго достоин будет сожаленія.

Из Парижа от 17 Іюля.

ПИСЬМО XIII.

Ответ от Маркизы Монклер.

Право, ты очень несправедлива, любезная моя Графиня, ты укоряешь меня за сокрытіе от тебя побудительной причины моего отъезда, когда ты же единственно была поводом к тому. Ты никак не отгадала бы, да и я имела свои причины не сказывать тебе, что принудило меня столь поспешно уехать. Сію небольшую досаду, я охотно тебе прощаю, но с тем, чтобы и ты перестала на меня сердиться, когда все тебе откроется.

Никто не может себе представить, сколь была я огорчена услышав о нещастном приключеніи, побудившем супруга твоего разстаться с тобою. По моей к тебе дружбе и по уваже-

нїю къ нему, я почувствовала сїе нещастїе такъ, какъ бы дѣло собственно до меня относилось. Увѣрена будучи также какъ и ты, что супругъ твой сдѣлался жертвою гнусной клеветы, я старалась, не говоря съ тобою ничего, проникнуть тайну сего ненавистнаго заговора. Дружба (я разумѣю такую дружбу, которая искренна и существенна, а не внѣшнюю, коя по одной только учтивости и политикѣ оказывается) вся есть дѣйствующа и не въ однихъ заключается увѣренiяхъ, таковая дружба понуждаетъ дѣйствовать и молчать, и вмѣсто обѣщанiй доказываетъ все дѣлами. Помощь и усердїе свое изъявляетъ самымъ дѣйствїемъ не предполагая и не помышляя ни о какихъ иныхъ выгодахъ, кромѣ того только, чтобъ имѣть удовольствїе оказать услугу.

Поиски и старанiя мои достигнуть до конца предпрїятiя моего, долгое время были безполезны, я однакожъ не теряла бодрости, не утомлялась встрѣчающимися трудностями, кои для другаго показались бы непреодолимыми. Три года безослабно онымъ я занималась, не пропустила ничего, что могло открыть мрачный сей умыселъ,

наконецЪ труды и желанїя мои увѣнчались успѣхомЪ. Чудовищи! сЪ какимЪ дьявольскимЪ пронырствомЪ направляли они, невидящїя опасности стопы невинности, ко краю бездны, вЪ которую напослѣдокЪ и низвергла ее адская злоба!— Нещастный! преступленїе его вЪ томЪ единственно состояло, что хотѣлЪ онЪ гораздо ближе открыть поступки и дѣла злыхЪ ПатрїотовЪ, что слишкомЪ явно защищалЪ истину, пользы, и справедливость своего Государя. — И вотЪ чѣмЪ онЪ за все оное награжденЪ! какая ужасная подлость!— Подпора Престола!— ЗащитникЪ народа!— А! звѣрскїя сердца! о небо! гдѣ правосудїе твое! зри, кого ты утѣснять попускаешь! зри, кому благоденствїе доставляешь.

Долго бы было расказывать тебѣ о подробностяхЪ мрачнаго умысла, я оставляю оное до перваго нашего свиданїя. Довольно знать тебѣ, что ГосударЪ наконецЪ выведенЪ изЪ заблужденїя, что злодѣи составившїя безчестной заговорЪ наказаны, и что честь супруга твоего будетЪ возстановлена сЪ большимЪ гораздо блескомЪ, нежели сЪ каковою огласкою совершено было его паденїе.

И такъ и ты, бѣдный другъ мой, въ сѣтяхъ любовныхъ! какъ я о тебѣ сожалѣю, и сколь сокрушаюсь о твоей участи! я раздѣляю съ тобою скорби и душевныя твои безпокойства, для чего я не въ состояніи свободить тебя отъ нихъ, или по крайней мѣрѣ облегчить оныя. Ты требуешь моихъ совѣтовъ: но послужатъ ли совѣты противу изступленія? Не безполезно ли противу дѣйствительныхъ золъ выдумывать мечтательныя средства, кои можетъ статься были бы отринуты при самомъ предложеніи? По дружбѣ однакожъ моей, я всевозможно старалась изыскать средства для услажденія горькихъ твоихъ жалобъ, и давно бы уже поспѣшила въ твои объятія, естьли бы не была здѣсь удерживаема сильными причинами; да и еще пробуду нѣсколько въ здѣшнемъ домѣ, дабы чрезъ то услужить тебѣ болѣе. Можетъ быть предпочту я деревенскую скуку городскимъ забавамъ и самому удовольствію видѣться съ тобою.

Нѣсколько уже тому дней, какъ пріѣхалъ къ намъ молодой человѣкъ (не трепещетъ ли твое сердчишко) имѣющій ростъ высокій, поступки предупреждающія и совершенно милое об-

ращеніе. Око его живо и изъяснительно, черты любезны и благородны и все, такъ сказать, говорящее въ видѣ и осанкѣ его. Рѣчи и всѣ его ухватки, кажется, оживляются кротостію, честностію и искренностію. Досадно только то, что всѣмъ симъ толь прекраснымъ наружностямъ не отвѣчаетъ молва, и что развратное поведеніе дѣлаетъ его не столь уважаемымъ добрыми людьми. Ну, любезная моя, не ужъ ли не узнаешь ты въ немъ побѣдителя своего? — Кто? Онъ въ замкѣ де?... Такъ совершенно, милая моя, Маркизъ Алозанъ, онъ самъ со всѣмъ снарядомъ ухватокъ и обольщающихъ прелестей своихъ.

При сей неожидаемой новости, я вижу прекрасныя твои глаза покрывающіяся облакомъ печали, весьма слабо поднимающіяся къ небу и отчасти только воспріемлющія свое сіяніе. Чувствуя, что нѣжное сердце твое въ тайнѣ отъ радости трепещетъ, и вдругъ предается ласкательнымъ воображеніямъ, въ пылкой душѣ твоей читаю я смятеніе, безпокойство, любопытство ею управляющее. — Что говоритъ, что дѣлаетъ онъ? — Печаленъ ли онъ, тужитъ ли? — Что ска-

жешь, мой другъ, не отгадала ли я? Невозблагодарила ли бы ты того, ктобъ тебя о томъ увѣдомилъ? Не стала ли бы много любить его?— Люби же и благодари меня скорѣе, потому что сей кто, буду я. Для сего единственно я здѣсь осталась. Любовникъ твой меня не знаетъ, онъ не вѣдаетъ, что я другъ тебѣ, я могу въ тайнѣ надзирать за нимъ, присматривать за его поступками, свободно вызнавать его свойство, дабы увѣриться, таковы ли обѣщанія его, какъ человѣка освободившагося отъ очарованій распутства и развращенія, или только, какъ гнуснаго обольстителя. Я узнаю, что въ случаѣ, когдабъ добродѣтель твоя уступила страсти, достоинъ ли онъ по крайней мѣрѣ таковой жертвы.

До сего времени я не примѣтила, чтобы онъ былъ столь равнодушенъ, какъ ты предполагаешь, и напротивъ вижу, что онъ очень печаленъ, и кажется, что одна только сильная страсть, можетъ человѣка по природѣ шутливаго и веселаго, каковымъ его описали, сдѣлать молчаливымъ, мнительнымъ, холоднымъ, печальнымъ, задумчивымъ, скучающимъ цѣлымъ свѣтомъ и самимъ собою, и даже нечув-

ствительнымъ къ вызывамъ женскимъ; вотъ однакожъ истинное любезнаго твоего избавителя изображенїе. Можетъ статься не было никогда съ такою справедливостїю сказано, что любовь дѣлаетъ дуракомъ и слабымъ умнаго человѣка. Прїѣхавши, сказалъ онъ старому Барону, что захотѣлось ему провести нѣкоторое время въ деревнѣ его ради истребленія задумчивости и несносной печали своей. — Не очень надѣюсь въ томъ успѣть (продолжалъ онъ воздыхая), но не хочу ничѣмъ укорять себя. — Баронъ увѣряетъ, что молодой его другъ столь много перемѣнился, что узнать его трудно. — Мы видимъ его только во время стола. Остальное время дня провождаетъ онъ въ своихъ покояхъ или на охотѣ, откуда ни одной дичинки не приноситъ. Я полюбопытствовала узнать, куда онъ ходитъ, и что дѣлаетъ, и для сего приказала надежному моему человѣку слѣдовать за нимъ издалека и тайно подсматривать за его поступками; онъ разсказалъ мнѣ, что нашъ охотникъ, не останавливаяся въ полѣ ни въ окрестныхъ отлогостяхъ, ходилъ ежедневно въ одну мрачную и безмолвную долину окруженную со всѣхъ

сторонѣ высокими горами ивовыми древами и соснами пріосѣняемыми. Тамо сидя на скалѣ горы угрожающей ежечасно паденіемъ, и изъ которой течетъ стремительно ручей, погружающійся не подалеку оттуда съ ужаснымъ шумомъ въ страшную бездну, вынималъ изъ кармана бумагу, которую перечитывая многократно орошалъ слезами и прилагалъ время отъ времени къ устамъ своимъ. Потомъ смѣшивая жалобный свой голосъ съ голосами печальныхъ птицъ, единственныхъ жителей сего необитаемаго мѣста, заставлялъ повторять эхо слѣдующія плачевныя пѣсни:

Проходите скорѣе мрачные дни ненавистной жизни!
Когда желанія мои лишены всей надежды;
Когда другой похитилъ предметъ моей любви,
То для чего, жестокая Ириса, желать мнѣ еще жить.

Баронъ хотѣлъ вчерась пошутить надъ его грустію и задумчивостію. — Я счелъ бы тебя (сказалъ онъ съ насмѣшкою) пожираема любовію къ какой

нибудь жестокосердой, естьли бы не зналъ, что ты членъ такого общества, которое любви не признаетъ, нѣжныя чувствованія отсылаетъ въ мозгъ романописателей и другихъ утѣхъ не ищетъ кромѣ преходящихъ удовольствій всегда перемѣнныхъ, и что впрочемъ будучи таковымъ, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ, не можешь встрѣтиться съ упорными.— Не надобно ни на что надѣяться (отвѣчалъ холодно молодой человѣкъ кивнувъ головою и улыбнувшись съ негодованіемъ).

Повѣришь ли, что я почти изъяснилась въ любви твоему обожателю; но онъ не отвѣчалъ на то ни малѣйшею учтивостію; а я какъ и самой тебѣ извѣстно не вовсе лишена прелестей; но хотябъ они были дьявольскія по пословицѣ. Между нами будь сказано, самолюбіе мое въ истину оскорбляется таковымъ стоическимъ равнодушіемъ. Надобно, чтобы онъ много меня презиралъ, когда не удостоиваетъ и самаго легкаго вниманія. О какъ бы я желала ему отомстить, ежели бы онъ только одинъ претерпѣвать былъ долженъ, я отвѣчаю тебѣ за него, что онъ очень чрезвычайно влюбленъ, и что хуже еще, влюбленъ до безумія. Иной

принялъ бы его за сову, онъ едва растворяетъ ротъ, чтобъ отвѣчать, когда его спрашиваютъ, онъ непрестанно заключенъ самъ въ себѣ, и кажется занятъ какимъ нибудь великимъ предпріятіемъ.— Будучи равнодушенъ ко всему, что ни говорится, и что ни дѣлается, онъ не видитъ, не чувствуетъ, не слышитъ ничего, и однимъ только предметомъ своимъ занимается. Нѣкто спросилъ его вчерась, видѣлъ ли онъ новую піэсу игранную въ послѣдній разъ французами? Въ будущемъ году, отвѣчалъ онъ, не сдѣлавъ никакого вниманія ни къ тому, кто его спрашивалъ, ни на то, что отвѣчалъ. За столомъ вмѣсто супа подаетъ часто соусъ, а вмѣсто жаркова, солонку. Вотъ каковъ твой герой!

Прости, любезная Графиня! я надѣюсь обнять тебя чрезъ нѣсколько дней, вижу, что мнѣ здѣсь дѣлать больше нѣчего. Удерживало меня здѣсь одно дѣло, но и оно кажется, рѣшилось въ твою пользу.

Изъ замка де . . . 20 Іюля.

ПИСЬМО XIV.

Отъ Шевалье Мармейля къ Алозану.

А! а! у тебя идетъ дѣло на перепискѣ съ твоею жестокосердою. О! она покажетъ тебѣ дорогу, я тебѣ сказываю, и притомъ твердо; однакожъ увѣряю, что она по тебѣ съ ума сходитъ, и что ничего такъ не желаетъ, какъ сдаться. Бѣдняшка! ты не видишъ, что все открываетъ нѣжные сердчишка ея чувствованія. Надобно также быть занятy, какъ ты, чтобы не понимать ничего изъ любовнаго восклицанія вырвавшагося у нее при случаѣ разговора о слабыхъ и обольщаемыхъ отъ развратниковъ женщинахъ. Она говоритъ: ежели бы я была въ искушеніи подражать имъ, то великаго бы достойна была сожалѣнія. Оборотъ сихъ словъ не доказываетъ ли, что она боится быть искушенною; а ты долженъ знать, что женщинѣ остается одинъ только шагъ отъ искушенія къ самому дѣлу.

Продолжительная довѣренность ею тебѣ сдѣланная, по мнѣнію моему, есть самое прекраснѣйшее любви объявленіе, и одно, такъ сказать, каковое

можетъ когда либо сдѣлать мущинѣ честная и уважающая себя женщина. Во всемъ велерѣчивомъ ея посланіи, нѣтъ ни одной строки, которая бы не была начертана ея смущеніемъ и любовію. Въ началѣ старалась она тебѣ внушить о благородномъ происхожденіи своемъ, дабы вразумить тебя, что со стороны рожденія заслуживаетъ она уваженіе твое. Дала знать и о томъ, сколь рано отдана была въ монастырь, гдѣ не видала ни одного мущины, кромѣ родителя своего, и откуда вышла для того токмо, чтобъ по выбору его отдаться въ объятія супруга бывшаго въ трое ее старѣе. Для чегожъ бы это было сдѣлано? Для того, чтобъ тебя извѣстить, что молодость ся не была запятнана никакою любовишкою. Не ясно ли говоритъ она тебѣ, что была уже на возрастѣ, а не знала еще различія двухъ половъ. — Вторая ея цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ доказать тебѣ, что она вышла за Г. Озамбрюна изъ единственнаго только отцу своему повиновенія, а отнюдъ не по прилѣпленію или по склонности любовію называемой. Въ самомъ дѣлѣ, как возможно пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ полюбить мущину

слишкомъ сорока лѣтъ? Можно протекать щасливымъ и спокойнымъ днямъ съ такимъ мужемъ, но не испытываютъ съ нимъ ни боренія чувствъ, ни упоенія утѣхъ, ни оныхъ сладострастныхъ сотрясеній свойственныхъ токмо двумъ равнолѣтнимъ любовникамъ. Я о закладъ бьюсь, что она слишкомъ лукава: она вѣрно все испытала; (можно ли столь хорошо описывать безъ опыта) или горитъ желаніемъ испытать оное. Но какъ бы то ни было, я изъ сего принужденія ничего инаго не примѣчаю, кромѣ желанія повеличаться сердцемъ новымъ и никогда любви не ощущавшимъ, и кромѣ искуснаго тому ободренія, кому желается внушить сіе чувство.

Повѣсть о щастливой жизни со своимъ супругомъ; исторія о происшествіи нарушившемъ сіи спокойныя наслажденія; воспоминаніе утѣхъ, мученій, печалей, нещастій; все, все меня утверждаетъ во мнѣніи, что она стократно болѣе тебя любитъ, нежели ты. Дабы замѣдлить свое паденіе, ограждается она всѣми оружіями благоразумія. Она думаетъ, что говоря о своихъ должностяхъ, обязанностяхъ, о всемъ, что налагаетъ ей законъ пре-

быть вѣрною, возродитъ въ тебѣ большее усиліе ради побѣжденія ея слабости, и что тѣмъ удобнѣе сокроетъ желанія свои. Это, такъ сказать, усилія издыхающей уже добродѣтели, или исторія утопающаго человѣка, которой хватается за все, что его спасти можетъ.

Ахъ, другъ мой! я знатокъ въ подобныхъ дѣлахъ. Обожаемая тобою красавица, до тѣхъ поръ заставитъ тебя томиться, пока ты самъ изъ уваженія къ ней захочешь быть робкимъ и дуракомъ. Но естьли ты только пожелаешь, и когда придетъ тебѣ въ голову, то можешь сдѣлаться предпріимчивымъ, и я напередъ отвѣчаю, что ты ничего не долженъ бояться. Естьли ты только не оробѣешь, то она, въ досаду своему мужу, въ досаду должностямъ своимъ, добродѣтели и въ досаду самой себѣ, будетъ твоею.

Но дабы имѣть успѣхъ въ дѣлахъ своихъ, то не надобно удаляться, особливо же дѣла сего рода въ близости только совершаются. Для побѣжденія сомнѣній набожной женщины и наполненной предразсудками, надобно употребить краснорѣчіе изъяснительнѣйшее холодныхъ посланій, естьли же

ты при семѣ токмо слабомѣ средствѣ остановишся, то я тебѣ сказываю, что ты человѣкѣ пропадшій. Ты имѣешь воображеніе, я согласенѣ, но ума и разсужденія совсѣмѣ у тебя нѣтѣ, а любовница твоя сими обѣими дарованіями, кажется мнѣ, далеко тебя превосходитѣ. Ежели ты станешь сражаться сѣ нею посланіями, то увѣряю, что она положитѣ тебя на мѣстѣ. Не ужли хочется тебѣ по формѣ ей доказать и принудить согласиться, что она должна нарушить свою должность, презрѣть законы, измѣнить обязательствамѣ своимѣ, и все сіе сдѣлать единственно для удовлетворенія страсти молодаго глупца? Такая женщина, вѣ какую ты влюбленѣ, становится весьма противѣ мущины сильною, ежели ей одна токмо минута остается для размышленія и для усмотрѣнія бездны вѣ которую слабость ея можетѣ низвергнуть, вмѣсто того, что присутствіе любовника вѣ разслабленіе ея приводитѣ — Сѣ нѣжнымѣ и оживленнымѣ взглядомѣ бросаетѣ онѣ искру желанія вѣ юное сердце: выразительная его рѣчь, смѣшанная сѣ нѣкоторыми изъяснительными пріемами, производитѣ смятеніе и побужденіе во

всѣхъ чувствахъ его любезной. Самъ онъ усматривая дѣйствіе своего краснорѣчія дѣлается настоятельнѣе и умилительнѣе, а красавица часъ отчасу безсильнѣе. Она уже не владѣетъ больше своими чувствами, и очи ея орошенныя слезами и исполненныя пріятной томности признаютъ себя побѣжденными. Примѣчательный ораторъ уловляетъ благопріятную сію минуту, и напослѣдокъ торжествуетъ надъ суетнымъ сопротивленіемъ гордящейся благоразуміемъ красавицы.

И такъ, другъ мой, повѣрь мнѣ, расположи инымъ образомъ планъ твоей осады и скорѣе перемѣни батареи свои. Когда надобно итти противу непріятеля, то не должно своpачивать съ дороги, но прямо фронтомъ долженъ ты наступать и сражаться, и тогда могу я предвозвѣстить тебѣ скорую, вѣрную и знаменитую побѣду.

Поелику ты уже рѣшился къ писанію, то по крайней мѣрѣ не должно было тебѣ снабжать красавицы своей противъ тебя оружіемъ. Къ чему разсказывать ей о распутномъ своемъ поведеніи, и внушать то, что съ насмѣшкою называешь пагубнымъ заблужденіемъ? Можетъ статься она и никогда

не узнала бы о не воздержной, по твоему мнѣнію, жизни. Было бы время и тогда еще тебѣ оправдаться, когда бы она противоположила тебѣ при своей здачѣ каковое либо препятствіе. Особливо не прощаю я тебѣ за невыгодныя разсказы о достопочтенномъ собраніи, котораго недостойнымъ содѣлался членомъ, предавъ подло таинства онаго женщинѣ единственно для пріобрѣтенія благосклонности ея и злословя оное ложными обнесеніями. Ежели бы я не столь вѣрный былъ тебѣ другъ, или естьли бы безумная страсть, повредившая твой разсудокъ, не извиняла тебя въ снисходительныхъ очахъ моихъ; то объявилъ бы я о тебѣ ордену нашему, яко о невѣрномъ братѣ, и ты безъ сомнѣнія скоро бы наказанъ былъ за твое клятвопреступство: но на сей разъ забываю я качество судіи и оскорбленнаго въ семъ дѣлѣ члена, дабы токмо мыслить, какъ другу и повѣренному. Надѣюсь, что сколь скоро очарованія твои исчезнутъ, то ты загладишь всѣ свои вины, явнымъ признаніемъ соблазнительнаго своего повѣденія.

Знаешь ли, что ты весьма искусно и удивительно играешь роль лицемѣра?

Право, естьли бы я тебя не зналъ, то самъ бы обманулся. Съ какимъ увѣрительнымъ тономъ, съ какою искренностію распространяешся ты въ описании легкихъ забавъ, въ унижении скоропреходныхъ наслажденій и въ превозношеніи пріятностей кроткаго и продолжительнаго союза любви и добродѣтели! ктобъ не повѣрилъ великолѣпнымъ твоимъ обѣщаніямъ отречься на всегда отъ распутной жизни и непреложно прилѣпиться къ добродѣтели и честности? А! злодѣй! ты стократъ больше повѣса, нежели мы всѣ вообще; ибо мы гораздо меньше дѣлаемъ оборотовъ, дабы успѣть въ предпріятіяхъ своихъ. Безъ сомнѣнія вялой Лозюнъ присовѣтовалъ тебѣ избрать сію поступь всегда почти надежную, но по мнѣнію моему весьма медленную, наипаче же скучную. Самъ онъ весьма удачно исполнилъ свое намѣреніе, и я поздравляю его съ преславною его побѣдою! чтожъ до меня касается, я многое бы могъ разсказать превосходящее все то, что Лозюны и подобныя ему славнаго ни сдѣлали; но поелику долженъ бы я былъ слишкомъ распространиться въ разсказываніи похвальныхъ моихъ дѣйствій, въ ребячествѣ

же мнѣ натвержено, что должно предостерегать себя отъ порока суетности и самохвальства, то я все оное пропущаю, а сообщу при случаѣ на словахъ, естьли ты вѣдать то захочешь.

Зюлима пишетъ ко мнѣ черезъ чуръ забавное письмо, я къ тебѣ его посылаю купно съ отвѣтомъ моимъ къ ней. Въ первомъ есть нѣчто до тебя относящееся, а потому и увѣщаваю употребить оное въ пользу.

21 Іюля.

ПИСЬМО XV.

Отъ Зюлимы къ Шевалье Мармейлю.

Знаешь ли Шевалье, что ты съ деревенскимъ своимъ житьемъ становишся крайне несносенъ? Коимъ чортомъ можешь ты убивать тамъ время свое? Развѣ ты думаешь, что друзья твои спокойно могутъ сносить долговременное твое отсутствіе? Что до меня касается, я сильно бѣшуся, и ежели ты скоро не возвратишся, то будь извѣстенъ, что заложу въ колесницу

мою всѣхЪ Грацїй и полечу искать тебя вЪ прїятныхЪ твоихЪ рощахЪ.

По чести, тебя узнать не возможно. Прежде ѣзжалЪ ты только урывками вЪ сїю проклятую деревню; отсутствїя твои изЪ Парижа едва примѣчалися, столь были они кратки, и столь торопился ты являться вЪ зрѣлищахЪ, прогулкахЪ и повсюду. Не зналЪ ли ты тогда таинства быть вездѣ вЪ одно время, или не перемѣнились ли уже твои вкусы и забавы? Не ужли вознамѣрился ты, подобно глупому Алозану, отрешися отЪ мїра и отЪ всѣхЪ онаго увеселенїй? Больше двухЪ мѣсяцовЪ нигдѣ его не видно, а скоро будетЪ четыре, какЪ ты уѣхалЪ. Право, ежели оставятЪ меня всѣ мои друзья, то должно будетЪ мнѣ велѣть зарыть себя живую вЪ землю.

Ты не можешь представить себѣ, сколь собранїя наши стали холодны, единообразны и скучны сЪ того времени, какЪ не оживляются больше твоими прїятными разговорами, твоими милыми шутками, тѣми плѣняющими расказами о собственныхЪ твоихЪ и другихЪ похожденїяхЪ, по которымЪ справедливо названЪ ты КоролемЪ повѣсЪ. На всѣхЪ лицахЪ написаны скука,

смертельная усталость, отвращеніе. Какъ горячатся говоря сущія бредни! какъ не довольны собою и другими! какъ зѣваютъ, да и я зѣваю съ ними и истерика моя умножается при одномъ о томъ помышленіи. O sciagura! oh! dio santo.

Но это почти ничего не значитъ въ сравненіи того, что я собственно испытываю, особливо когда напоминаю себѣ тѣ пріятныя одинъ на одинѣ бесѣды, въ которыхъ ни одинъ человѣкъ не могъ никогда сравняться съ тобою; въ коихъ души наши упоенныя утѣхами, казалось, изливаются въ нѣдра одна другой; въ коихъ для того токмо выходили мы изъ восторга, чтобы паки въ новый повергнуться, въ коихъ силы наши едва лишь возобновятся благодѣяніемъ божка утѣхъ, какъ мы погружаяся въ безмѣрный океанъ радости, утѣхъ и удовольствій, вновь оныя истощавали. — Но гдѣ все то описать, что мы чувствовали и испытывали? Одно воображеніе о томъ въ изступленіе меня приводитъ! ахъ! естьли бы оно могло вознаградить самую существенность.

Возвратися же, Шевалье, пожалуй возвратися! не стыдно ли тебѣ за-

рыться въ неизвѣстной Провинціи тогда, когда здѣсь ожидаютъ тебя блистательныя произшествія и всегда перемѣнныя утѣхи. Въ отсутствіе твое рой вялыхъ и неуклюжихъ петиметровъ воспріемлетъ пареніе; съ жеманнымъ разговоромъ, съ принужденнымъ обращеніемъ, съ поддѣльнымъ лицомъ, со скотскимъ видомъ своимъ, они почитаютъ себя въ числѣ имянитыхъ людей! признаюсь, что преимущества быть глупыми и смѣшными обезьянами никто имъ не оспоритъ. Но лишь только ты, Шевалье, появится, какъ вся сія толпа глупцовъ обратится паки въ небытіе, подобно онымъ суточнымъ несѣкомымъ, которыя въ одинъ день и раждаются и умираютъ.

Сказано мнѣ, (не злоязычіе ли, не клевешали, не знаю, которое изъ двухъ) что другъ твой влюбился смертельно въ какую то жестокосердую, и что для того самаго не видно его ни въ зрѣлищахъ, ни въ ложѣ всѣми обожаемой нынѣ красавицы, ни между служителями божественнаго эпикура? Какъ ты думаешь, Шевалье! не жалко ли бы оное было? Ибо онъ добрый малой; я въ истину буду о немъ сожалѣть, а притомъ нѣсколько и о самой себѣ. Изъ

всѣхъ нашихъ красавцовъ, онъ всѣхъ по тебѣ для меня милѣе. Естьли въ самомъ дѣлѣ онъ влюбленъ, то постарайся, Шевалье, возвратить молодаго заблуждшаго на истинный путь. Внуши ему, что на чувствованіяхъ основанная любовь пожираетъ всѣ способности, и чрезъ соединеніе всѣхъ вкусовъ въ одинъ препятствуетъ наслаждаться вполнѣ житейскими удовольствіями. Пусть остережется онъ подражать глупому деревенскому жителю лишившемуся разсудка отъ своей любовницы. Писанное имъ письмо до совершенія преславнаго своего подвига, показалося мнѣ столь необыкновеннымъ, что я велѣла списать съ него копію, посылаю оное къ тебѣ; можетъ статься оно тебя развеселитъ. Прости, Шевалье, да увѣдомь, скоро ли ты возвратишся.

Изъ Парижа 16 Іюля.

I. E

ПИСЬМО XVI.

Отъ деревенскаго жителя къ любовницѣ своей.

Успокойтесь, сударыня, я не стану больше васъ безпокоить ни ревностiю моею, которую называете вы неоснавательною, ни подозрѣнiями, по мнѣнiю вашему, обидными. Вы можете избавить себя отъ труда запрещать мнѣ входъ въ домъ вашъ. Когда вы будете читать сiе письмо, меня уже больше не будетъ; смерть окончитъ всѣ мои напасти.

Я думалъ, сударыня, что великими пожертвованiями и добрыми поступками прiобрѣту ваше сердце и сдѣлаю васъ чувствительною, но все было безполезно. Все, что я ни дѣлалъ, не только не приближало меня къ моей цѣли, но еще паче отъ оныя меня удаляло; и потому осталось мнѣ только умереть, столь жизнь моя стала для меня несносна и ненавистна! въ одномъ только уничтоженiи могу я возвратить мое спокойствiе.

Поди, неблагодарное чудовище, змѣя мѣдная, бронзовое сердце, душа кремня твердѣйшая! я оставляю тебѣ въ

наслѣдство всѣ бѣдствія тобою мнѣ причиненныя! да воспламенишся ты сама всѣми любви огнями, и да сожигаешся оными въ свою очередь къ нечувствительному предмету! да заплатятся тебѣ сторицею всѣ тѣ оскорбленія, кои ты претерпѣвать меня заставляла! да пристанетъ къ тебѣ грызущій червь и да растерзаетъ до послѣдняго лоскутка всѣ твои внутренности! да отравитъ остатокъ дней твоихъ горестное раскаяніе за то принужденіе, которое ты заставляешь меня учинить противъ воли моей! да преслѣдуетъ тебя непрестанно жалобная тѣнь моя, и да заставляетъ трепетать отъ страха и ужаса среди самыхъ утѣхъ и наслажденій твоихъ! да предашся ты въ добычу всѣмъ страхамъ, поношеніямъ и бѣдности, да погибнешь бѣдственно и да претерпишъ прежде всѣ адскія мученія! да возможешь ты.... Ахъ! что я говорю, нещастный! простите, сударыня, ужасное мое заблужденіе. Бѣшенство, ярость, изступленіе, отчаяніе исторгнули изъ меня сіи страшныя заклятія, сердце же мое ихъ отрицаетъ: любовь моя, которая не угаснетъ, и которая тогда только окончится, когда хладный смертельный

потъ покроетъ оледѣнѣвшіе мои члены; отмѣтаетъ оныя проклятія, да не сбудутся они никогда. Пусть лучше щастіе вамъ благопріятствуетъ и исполняетъ васъ всѣми дарами, щедротами, благоденствіемъ! да будете вы столь довольны, столь щастливы, какъ вы сами того желаете. Сей есть послѣдній обѣтъ, обѣтъ главнѣйшій любовника васъ обожающаго; такого любовника, который не въ состояніи будучи ни премѣнить чувствованій, ни уменшить любви своей, послѣдній свой вздохъ съ вами раздѣляетъ.

Изъ Парижа 15 Іюля.

ПИСЬМО XVII.

Отвѣтъ Шевалье къ Зюлимѣ.

Успокойся, драгая мими, успокойся! вообразительныя наслажденія причиняютъ натурѣ нашей ненаградимый уронъ. Гораздо лучше беречь себя къ случаямъ благопріятнѣйшимъ. Мечтательные удовольствія, хотя и пріят-

ны, но никогда не замѣнятъ утѣхъ существенныхъ; я докажу тебѣ то по моемъ возвращеніи, и постараюсь всѣми силами оправдать то выгодное заключеніе, которое ты имѣешь о моихъ дарованіяхъ.

Ты права, дорагая моя! любовь есть весьма превосходное чувство и не можетъ учинить насъ щасливыми! усиливая въ душѣ желаніе наполнять себя однимъ предметомъ она убиваетъ ее. Утѣхи по своему свойству должны быть перемѣнны, а любовь останавливая ихъ на одномъ предметѣ, притупляетъ и напослѣдокъ разрушаетъ оныя. Чтобы содѣлать щастливымъ человѣка, то потребны для него сладкія и скоропреходящія токмо удовольствія. Все то, что принуждаетъ насъ преступать предписанную естествомъ умѣренность, противно прямому благополучію. Таковы суть правила доброй философіи и истиннаго благоразумія. Я очень радъ, что ты ихъ придерживаешся, и увѣщаваю тебя соображать всегда съ оными поведеніе свое. Ежели нашъ другъ, на сей разъ, кажется удаляющимся отъ сихъ спасительныхъ правилъ, то имѣетъ свои причины поступать такимъ образомъ, но будь увѣрена, что вну-

трениія его чувствованія всегда суть непремѣнны; и что онъ скоро возвратится къ намъ увѣнчаннъ миртомъ и лавромъ, восторжествовавъ напередъ надъ суетнымъ сопротивленіемъ и глупыми предразсудками дурочки.

Что до меня касается, то я живу здѣсь не безъ дѣла, хотя вы и думаете, что я предался недостойной праздности. Не токмо чтобъ усыпить себя прошедшими моими подвигами, я можетъ быть имѣлъ въ здѣшней сторонѣ больше приключеній въ четыре мѣсяца, нежели бы чрезъ цѣлой годъ могъ имѣть ихъ въ Парижѣ. Будьте спокойны, друзья мои! я имѣю, чѣмъ сдѣлать веселыми и пріятными бесѣды наши въ долгіе зимніе вечера.

Вотъ уже полночь. Время опочить мнѣ въ объятіяхъ Морфея. Знаешь ли, любезная моя Королева; что сей день ознаменовалъ я важными и немалочисленными подвигами, и отягощенъ теперь усталостію и сномъ? — Желаю тебѣ здравія, достойная моя подруга! да вкушаешь ты долѣе меня драгоцѣннѣйшій и сладчайшій Нектаръ божества! уже пріятныя сны резвятся около меня, и я хочу предаться обман-

чивымЪ ихЪ очарованіямЪ, чрезЪ восемь дней я надѣюсь увидѣться сЪ тобою.

Изъ . . . 19 Іюля.

ПИСЬМО XVIII.

Отъ Графини къ Маркизѣ.

Сколь дружба твоя внимательна и предупреждающа, сколь обязательны старанія твои, драгая моя Маркиза! какЪ могу я отплатить тебѣ за одолженія твои? Хотя бы признательность моя пребыла вѣчною, но сравняется ли она сЪ твоими услугами и благодѣяніями? И такЪ прими по крайней мѣрѣ, при искренней благодарности увѣреніе о дружбѣ, нѣжной привязанности и чистѣйшей склонности, каковыя можетЪ токмо изъявить смертная кЪ подобной себѣ, и которыя токмо сЪ жизнію моею пресѣкутся. И естьли то истинно, что мы и по другую сторону гроба будемЪ чувствовать, то хладный трупЪ мой отЪ удовольствія востренещетЪ вспомня друга своего, и пожелаетЪ ему благополучія.

Наконецъ, я умру довольною, всевышнее Существо услышало мои моленія; супругъ мой оправданъ, и мнѣ ничего уже болѣе желать не остается. О вѣчный Промыслъ! рано или поздо, ты заставляешь торжествовать невинность и наказуешь злодѣянія! преклоняя колѣна благословляю тебя и воздаю праведную дань благодарности. Гдѣ суть не признающіе тебя развратники? Да узрятъ они содѣланное тобою для меня, и потомъ, буде осмѣлятся, да отрицаютъ, и да раздражаютъ верховное вліяніе. —

Но гдѣ сей любезной супругъ, столь недостойно оклеветанный, и коему правосуднѣйшій Монархъ возвратилъ честь, то сокровище, коего не лишаются преступленіемъ, когда имѣютъ благородную и высокую душу? Гдѣ онъ? —Въ какой отдаленной странѣ онъ обитаетъ? Пусть пріѣдетъ, покажется и восторжествуетъ надъ тщетными усиліями зависти и клеветы! паче же пусть возстановитъ присудствіемъ своимъ спокойствіе въ скорбящей душѣ и возвратитъ тѣ кроткіе и блаженные дни, коихъ лишило меня отсудствіе его? — Что я говорю, нещастная? Ахъ! пусть останется онъ навсегда въ тѣхъ мѣ-

стяхъ куда препровожденъ онъ судьбою своею! пусть живетъ въ разлукѣ съ нещастною его оскорбляющею! пусть забудетъ виновную свою супругу, сгарающую законопреступнымъ огнемъ къ другому! да и за чемъ ему возвратиться? За тѣмъ ли, чтобы присудствие его служило новымъ для меня наказаніемъ? Могу ли я воспріять его въ мои объятія искренно тогда, когда сердце мое наполненное другимъ предметомъ, будетъ отвергать его съ отвращеніемъ? И когда увидитъ онъ сію вѣроломную перемѣну; когда холодность и равнодушие мое вразумятъ его, что онъ уже лишился сердца моего, то перенесетъ ли онъ новое сіе нещастіе съ холодною кровію? Я знаю его: ударъ нанесенный ему отъ руки столь милой, оскорбитъ его гораздо болѣе, нежели злобная клевета, въ умѣ Августѣйшаго Монарха его посѣянная! кто знаетъ, не откроетъ ли онъ также очень скоро тайны мои; ревнивое око его, въ непріобыкшей ко лжи и обману душѣ, не прочтетъ ли мой грѣхъ, а его безчестие? И тогда бѣшенство, ярость, отчаяніе, мщеніе, не ополчатъ ли его противъ меня! одно воображеніе о послѣдующихъ неизбѣжно нещастіяхъ, въ

трепетъ меня приводитъ! ахъ! пусть останется онъ, пусть останется . . . .

Часто дружба, вмѣсто утѣшенія и пользы, приноситъ одно огорченіе и вредъ. Прости мнѣ сіе жестокое выраженіе. Изъясняя оное, я чувствовала, что тебя оскорбляю; но нещастное мое положеніе слишкомъ его оправдываетъ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ, возвращеніе моего супруга, (которое можетъ послѣдовать очень скоро посредствомъ великодушныхъ твоихъ стараній) было бы величайшимъ для меня нещастіемъ. Ты думаю, угадаешь оному причину. Увѣдомленіе твое о поведеніи моего избавителя, о родѣ жизни и горестныхъ его упражненіяхъ, не только не способствовало къ закрытію раны сердца моего, но еще паче раздражило оную и содѣлало ее неисцѣльною. Ахъ! вижу теперь, что чувствованія его весьма живы и естественны. Злые люди не могутъ такъ притворяться, когда ничто ихъ къ тому не обязываетъ. Не было такого безумнаго человѣка, которой бы принужденно и безплодно игралъ роль тягостную и непріятную! да и для чего бы Маркизу поступать такимъ образомъ, какъ ты сказываешь, ежели бы онъ въ са-

момъ дѣлѣ того не чувствовалъ, ибо не
извѣстна ему искренняя моя съ тобою
дружба? Нѣтъ! кромѣ любви, и любви
нелицемѣ ной и жестокой, ничто по-
добныхъ дѣйствій производить не мо-
жетъ! о другъ мой! я знаю то, и сужу
сама по себѣ: все, что ты ни раска-
зывала мнѣ о задумчивости, уныніи,
томности, печали, размышленіяхъ, о
непрестанныхъ его развлеченіяхъ, все
то я сама испытываю, въ превосходнѣй-
шей только безъ сомнѣнія степени. Ду-
мая описать его, ты весьма натуральь-
но описала меня. Надлежало токмо при-
совокупить къ тому, что я совершен-
но лишилася ума и разсужденія, и кар-
тина была бы совершенная.

Сколь достойны мы сожалѣнія и
сколь горестно положеніе наше! но хо-
тя любовь и чувствованія наши имѣ-
ютъ одинаковую силу и одинакій сте-
пень живости; однакожъ великая нахо-
дится разность въ самомъ нашемъ со-
стояніи. (И я увѣрена, что всякъ со
мною согласится) для него любовь, по
крайней мѣрѣ, не преступленіе; онъ мо-
жетъ слѣдовать сладкимъ влеченіямъ
своего сердца; ничто не препятству-
етъ ему предаваться нѣжнымъ впеча-
тлѣніямъ любовныхъ своихъ помышле-

нїй; мнѣ же, между тѣмъ, все повелѣваетъ утушить пожирающїй меня пламеня, все запрещаетъ заниматься очаровательнымъ страсти моей предметомъ; самыя даже вздохи и роптанїя мнѣ не позволены; и такъ не довольно ли я нещастна? О жестокая должность! варварская добродѣтель! ненавистныя узы! коль несносно поражаешся вами сердце мое! о тиранское иго! злополучная склонность! знаю, что для укрощенїя любви моей должно на все отважиться, а люблю пламенно и всегда огнемъ симъ пожираюсь! случается иногда, что раскаеваюсь, отвергаю образъ его, исторгаю оный у самой себя; но потомъ вскорѣ кляну свою добродѣтель, съ восторгомъ объемлю мой истуканъ, слышу его — вижу — сладкое обольщенїе вкрадывается непримѣтно во всѣ мои нервы, и мятежныя желанїя занимаютъ всѣ мои чувства. Ахъ! утѣшительница моя! естьли бы можно было тебѣ постигнуть всѣ смущенїя мои — естьлибъ была ты свидѣтельницею смятенїя и всѣхъ странныхъ сердца моего противоборствїй! — двадцать разъ принимаюсь за перо, чтобъ писать къ нему, и столько же разъ рука моя цѣпенѣетъ, персты холодѣютъ;

двадцать разъ начертываю первое слово, и столько же разъ слезы мои оное заглаждаютъ! — Въ таковомъ-то приливѣ и отливѣ мыслей и побужденій приходящихъ и исчезающихъ совокупно, въ таковомъ-то непрестанномъ сраженіи желанія и боязни, надежды и отчаянія, любви и должности, ослѣпленія и благоразумія, преступленія и раскаянія, провождаю я плачевные свои дни! о Боже! укроти бунтующія мои чувства! утуши въ груди моей любовный пламень! — Или прости мнѣ неизбѣжное заблужденіе, въ каковое чувства мои противъ воли моей меня увлекаютъ.

Изъ Парижа 22 Іюля.

ПИСЬМО XIX.

Отъ Маркиза къ Графинѣ.

Ахъ, сударыня! сколько клятвы любви презрѣнной, отверженной, любви нещастной суетны суть и безполезны! они подобны тѣмъ легкимъ и непримѣтнымъ испареніямъ, кои отъ малѣйшаго солнечнаго луча разсѣваются и раз-

рушаются. Я клялся не писать къ вамъ и никогда васъ больше не видѣть; и вотъ уже нарушаю первую мою клятву. Надѣюсь по крайней мѣрѣ сохранить вторую. Да и для чего ненавистнымъ присутствiемъ моимъ внушать вамъ неприятное чувствованiе отвращенiя и ненависти. . . . .

Естьли кто въ свѣтѣ нещастнѣе меня? Естьли жребiй ужаснѣе, положенiе плачевнѣе моего? Я думалъ, что отсудствiе, пребыванiе въ деревнѣ, разсѣянiя, разрушатъ, утолятъ по крайней мѣрѣ пламень страсти, облегчатъ жестокость золъ, воззовутъ заблужденный разсудокъ и возвратятъ мнѣ веселость и друзей моихъ; но тщетная надежда, трудъ безполезный, попеченiя напрасные! увы! вмѣсто уменшенiя, мученiя мои наче еще умножились. Сердце мое сохнетъ отъ скуки, гибнетъ отъ любви, изнуряется отъ печали. Все мертво въ глазахъ моихъ; увеселительное зрѣлище представляемое для насъ со всѣхъ сторонъ натурою, ничего для меня прiятнаго не имѣетъ. Поля безъ зелени, цвѣты безъ благовонiя, долины, холмы, озера, источники, темныя рощи ничего поражающаго въ себѣ не заключаютъ. Тихiй

Зефиръ не лобзаетъ болѣе травъ и цвѣтовъ, птицы ничего инаго не поютъ, кромѣ унылыхъ пѣсней, и порхая не открываютъ богатства перьевъ своихъ; отвращенiе и отчаянiе изсушаетъ всѣ сiи удовольствiя.

Ахъ! естьлибъ можно было мнѣ забыть васъ! — Естьлибъ можно было изгладить въ душѣ моей, врѣзанныя въ нее прелестями вашими впечатлѣнiя! — Напрасные желанiя, мечтательная надежда! — Плѣнившая меня красота, противу воли всюду меня преслѣдуетъ. Ничто не можетъ исторгнуть у меня дражайшаго о васъ воспоминанiя! ничто не можетъ разлучить съ очаровательнымъ образомъ вашимъ! напрасно хочу я заняться другимъ предметомъ, каждый часъ, каждая минута, каждое мгновенiе находитъ меня занятаго вами! когда восходитъ солнце освѣщать натуру, повелѣвая царствовать на земли смѣхамъ, играмъ и забавамъ, я думаю о васъ; когда опускается оно въ лазуревыя волны злата и порфира, и благотворный свой жаръ преноситъ въ другую половину земнаго шара, я думаю также о васъ; едва только сонъ разлiетъ прiятный свой макъ на мои вѣжди, какъ любовь касаяся меня лег-

кими крылами и пріятно улыбаясь, представляетъ предъ меня драгоцѣнныя ваши черты, и тысячи обманчивыхъ сновъ играя около меня обольщаютъ сладкими своими мечтаніями. Правда, что по моемъ пробужденіи предстаютъ мнѣ другіе помышленія; но и оныя вы же всегда возраждаете. Ежели примуся писать, то имя ваше первое попадается подъ перо; ежели говорю, уста мои готовы его произнести, и одинъ только вздохъ умерщвляетъ его на оныхъ; естьли беру книгу, глаза мои темнѣютъ, и я ничего не вижу кромѣ строкъ и буквъ; иногда читаю часа два, а не умѣю назвать сочиненія находящагося въ рукахъ моихъ. Когда я выхожу, слѣдуя на удачу, въ поля и углубляюся въ самую средину лѣса, то ни одного не дѣлаю шага не представя васъ уму и воображенію моему. Все мнѣ о васъ говоритъ, все напоминаетъ обожаемый вашъ образъ; и какъ нѣкоторый философъ видѣлъ все въ Богѣ, такъ я вижу все въ васъ, и васъ во всемъ.

Таковы, сударыня, единственные помышленія, коими влюбленное сердце можетъ заниматься; такова есть невольная слабость, непреодолимая задумчивость, кою испытываю, и кото-

рую однакожъ предпочитаю общественнымъ забавамъ. Нещастные любовники должны искать уединенія; оно одно съ состояніемъ души ихъ согласоваться можетъ. Кажется, что въ такомъ положеніи, деревенская пріятность и тѣнь мрачныхъ лѣсовъ, уменьшаютъ чрезмѣрность нашихъ страданій наполняя насъ предметомъ оные причиняющимъ.

Сколь часто и искренно кляну я тѣхъ не осторожныхъ, кои прерываютъ размышленія мои, утѣшительныя и терзающія совокупно; кои исторгаютъ у меня очаровательныя и между тѣмъ горестныя мечты воспоминаніемъ о васъ мнѣ доставляемыя! какъ пріятно углубляться въ пріятную мрачность густыхъ лѣсовъ, въ убѣжище молчанія! какъ люблю я уклоняться въ темныя и отдаленныя мѣста лучами дневнаго свѣта непроницаемыя! сколь пріятно быть застигаему на дернѣ мракомъ ночи, которой кроткое спокойствіе разливаемое на всю натуру, и моей прискорбной душѣ, кажется, сообщается! колико наконецъ нравится мнѣ взирать на любимицу ночи, которая блѣдными и сребровидными своими лучами, проницаетъ чрезъ сводъ прозрачнаго купо-

ла изъ листвія составленнаго и тихимъ дуновеніемъ колеблемаго.

Въ таковомъ-то положеніи и обстоятельствахъ предаюся я пріятностямъ сладостнѣйшихъ размышленій, питаясь иногда ласкательною надеждою! можетъ быть, говорю я себѣ, не столько холодность и нечувствительность препятствуетъ сй воспріять поклоненіе сердца моего, отвѣчать моему пламени, воздать мнѣ любовію за любовь, нѣжностію за нѣжность, чувствованіемъ за чувствованіе, сколько прилѣпленіе къ должностямъ своимъ и увѣреніе, что она ихъ нарушитъ, естьли откроетъ сердце свое сладостнымъ любви впечатлѣніямъ. Ахъ! естьли это такъ, то я не столько уже нещастливъ! я могу вывести ее изъ заблужденія: ибо ежели любовь есть преступленіе, то чтожъ можетъ почесться добродѣтелію? Виновникъ невольныхъ чувствованій нами ощущаемыхъ, запретитъ ли онымъ предаваться? Сладостное согласіе двухъ сердецъ непреодолимою склонностію соединяемыхъ, которыхъ вкусы, чувствованія, желанія суть одинаковы, которые, сказать стихотворчески, мыслятъ вдругъ и изъясняются вмѣстѣ, соединяютъ радо-

сти, забавы, болѣзни, печали; можетъ ли оскорбить Творца вселенной? Того Творца, который создавъ мiръ плодоносным, разливаетъ во всѣ творенiя (сей) родъ электрическаго огня безъ усилiя и принужденiя все соединяющаго. Присвоять божеству столь несовмѣстныя противорѣчiи есть не токмо сумозбродство, но и нечестie. Мертвыя сiи души дерзающiя до сей степени унижать оное, великаго достойны удаленiя.

Вотъ, сударыня, плачевныя упражненiя человѣка, которой вблизи и въ отдаленiи отъ васъ непрестанно о васъ помышляетъ! нещастiе и смущенie мое есть таково, что я не могу ничего облегчить ихъ, какъ токмо смертiю моею. Такъ, сударыня! одна смерть окончитъ всѣ мои напасти. О драгоцѣнное уничтоженie, призываю тебя для спокойствiя и щастiя моего!

Изъ замка 24 Iюля.

ПИСЬМО XX.

Отъ Маркиза къ Шевалье.

Ты обманываешся, другъ мой! чувствованія мои ужъ больше не таковы. Любовь все перемѣнила. Она преодолѣла своеволіе и развратность.— Да и могъ ли бы я любить съ такимъ восторгомъ прелестную и небесную д'Озамбрюнъ, естьли бы не получилъ склонности къ честности и добру? Могъ ли бы я ей понравиться, естьлибъ не былъ ей подобенъ! любовь, сказалъ одинъ мудрецъ, предполагаетъ добродѣтели; и столь сладостное чувствованіе одна только благородная и благотворная душа вмѣщать удобна.

Я не хочу ни спорить съ тобою, ни доказывать тебѣ, что ты виноватъ, а я правъ. Ты думаешь, что стоишь на истинномъ пути мудрости, я же думаю, что донынѣ заблуждался, и что наконецъ нашелъ стезю къ оной меня ведущую: станемъ же держаться каждый своего мнѣнія, образа чувствованія и будемъ равнодушнымъ, въ самомъ дѣлѣ въ сихъ вещахъ разсужденіе безполезно, и его держаться должно условнымъ образомъ, ибо всякой вообра-

жаетъ имѣть то на своей сторонѣ. Чтожъ изъ того произходитъ? Шумятъ, спорятъ, бранятся, и напослѣдокъ каждый остается при прежнемъ своемъ мнѣніи. Всего лучше позволить всякому думать по своему, и не стараться преклонять другихъ на свою сторону.

И такъ, другъ мой! ты хочешь быть недовѣрчивымъ; будь: я самъ вразсужденіи того буду равнодушенъ; да и тщетно бы впрочемъ покушался я вывести тебя изъ заблужденія. Я предусматриваю всю безполезность покушенія моего. Чтожъ до меня касается, то мнѣ кажется, препровождающій къ добродѣтели и благонравію путь наилучшимъ; и такъ не огорчайся, что я его придерживаюсь и не отвращай меня отъ сего благороднаго намѣренія. Чрезъ то мы также будемъ любить другъ друга, и столькожъ будемъ стараться оказывать взаимныя услуги, когда обстоятельства того потребуютъ. Ежели различіе мнѣній и чувствованій не должно никогда разрушать между людьми союза собратства натурою положеннаго, то по важнѣйшей причинѣ не должно оно возмущать двухъ сердецъ божественною дружбою соеди-

ненныхъ. Естьли таковый образъ мыслей несовершенно сходствуетъ съ правилами строгаго наблюденія, то по крайней мѣрѣ, онъ человѣколюбивѣе и больше сходствуетъ съ предписаннымъ отъ Бога нравоученіемъ, а съ нимъ-то и стараюсь я соображать мои мысли.

Чтобы увѣрить тебя о моей перемѣнѣ, то я долженъ сказать, что мое обращеніе не измѣнило ни въ чемъ ни моей дружбѣ, ни довѣренности къ тебѣ. Ежели тебѣ не противно, и естьли довѣренности мои тебѣ не скучны, то я буду продолжать извѣщать тебя о успѣхахъ, каковые сдѣлаю въ сердцѣ обожаемой мною; и вотъ послѣдовательная исторія о томъ, о чемъ я тебя уже увѣдомлялъ.

Я нашелъ въ замкѣ де . . . . довольно многолюдное собраніе мущинъ и женщинъ. Естьлибъ я былъ расположенъ посмѣяться на щетъ моего ближняго, то могъ бы позабавить тебя описаніемъ большой части подлинниковъ, не нарушая истины, и не употребляя прикрасъ воображенія, сообщилъ бы тебѣ обильное содержаніе для комедій; но не о томъ теперь дѣло.

Въ числѣ нимфъ находилась одна госпожа Монклеръ, о которой ты можешь

быть никогда не слыхивалъ, которая также и мнѣ со всѣмъ была не знакома. Это одно изъ такихъ личиковъ, кои не будучи лакомымъ и слишкомъ возбуждающимъ кускомъ (сила привычки заставила меня употребить изъяснение нарѣчiю повѣсъ посвященное) никогда въ собранiяхъ безъ того не появляются, чтобъ не остановить на себѣ взора мущинъ, и не возбудить ревности въ женщинахъ. Расположенiе лица ее прiятно и предупреждающiе, прiемы благородные и естественны; повсюду мешетъ она, какъ говорится, ту остроту и прелесть, коихъ изъяснить не возможно. Будучи всегда одинакова въ нравѣ своемъ, оживляетъ она самые холодные и важные разговоры, веселостiю и остротою своею. Однимъ словомъ сказать: чтобы не полюбить ее, то надобно быть заняту другою, или упоиться исчерпанными началами нынѣшней философiи, да и тогда не повѣрилъ бы я, чтобъ увидя ее, самый не устрашимый орелъ любви, предохранилъ отъ пожеланiй сердце свое.

Въ первыя дни я совсѣмъ не обращалъ вниманiя на сiю привлекательную особу. Предавшися своей любви и страсти, погрузяся въ задумчивость и раз-

мышленія, я никакъ непримѣчалъ лицъ меня окружающихъ. Но скоро противъ воли моей принужденъ я былъ ею заняться. Никогда не видано женщины (я разумѣю такую, которая хочетъ быть честною) оказывающей столько хитростей съ мущиною, сколько она со мною дѣлала. Потаенныя взгляды, сказывающія весьма много; томныя взоры, возбуждающіе желаніе; очаровательная улыбка, призывающая къ лобзанію и удовольствію; нѣжныя полудовѣренности, которыя исторгая признаніе и небольшія тайны, требуютъ отчасу большихъ; однимъ словомъ, со стороны прелестницы ничего не пренебрежено, что только могло вразумить меня о ея ко мнѣ благосклонности. Иногда оказываемы были учтивости, уваженіе, предупрежденія, нѣжное о здоровьѣ моемъ безпокойство, каковаго не могла бы имѣть и настоящая любовница, вразсужденіи своего любовника: и такъ, ктожъ бы будучи на моемъ мѣстѣ, не подумалъ найти путъ своего щастія? И я подумалъ то же (какъ можно было мнѣ подозрѣвать о истинной причинѣ столь страннаго со мною обращенія?) Между тѣмъ, судя о моей перемѣнѣ: (сей опытъ открылъ мнѣ гораздо яснѣе ис-

тинные мои чувствованія, нежели все дотолѣ мною ощущаемое) ко всѣмъ симъ вызывамъ я былъ холоденъ и не чувствителенъ. Что прежде возбудило бы огнь желаній въ моемъ сердцѣ, воспламенило бы всѣ чувства при одномъ словѣ о утѣшеніи, то было мнѣ тогда противно и несносно. Маркиза, будучи тронута нечувствительностію, холодностію, малымъ стараніемъ и жаромъ въ соотвѣтствованіи на всѣ ея въ разсужденіи меня дѣланныя уловки (какая бы побудительная причина ни заставляла женщину предупреждать мущину; однакожъ самолюбіе ея всегда унижается, когда онъ на то не отвѣтствуетъ), принуждена была меня оставить предаваться въ покоѣ моей разсѣянности, а я былъ тому и радъ; ибо всѣ ея уловки начали мнѣ скучать и не нравиться.—Кажется, что естьлибъ она не перестала такъ со мною обращаться, то едва ли бы удержался я сказать ей въ глаза, что со всѣмъ не ожидалъ найти кокетку въ замкѣ Барона; столь тягостно и несносно было уже для меня все, что ни отвлекало помышленіе мое о моей обладательницѣ. Но напослѣдокъ проникнулъ я причину столь страннаго поступка

моей сирены. О небо! какой бы опасности подвергся я въ разсужденіи любви своей, естьлибъ попустилъ обольстить себя притворными ея ласками! — Въ замкѣ де . . . введено въ обычай собираться всѣмъ въ залу для завтрака. Между тѣмъ приносится обыкновенно ящикъ съ бумагами: тутъ читаются газеты, журналы, и каждой расказываетъ о полученныхъ имъ новостяхъ. При такомъ политическомъ трибуналѣ и я третьяго дня находился, что весьма рѣдко случалось во все время, какъ живу я у Барона. Ты знаешь, что я всегда презиралъ сихъ новостей раскащиковъ, сихъ холодныхъ розыскателей, которые опредѣляютъ съ важностію судьбу государствъ и воздвигаютъ миръ или войну по своему пристрастію. Настоящее состояніе души моей не позволило еще мнѣ примириться съ симъ собраніемъ политиковъ.

Едва только завтракъ кончился, какъ пріѣхалъ курьеръ. Баронъ съ нетерпѣніемъ открывъ ящикъ и не разсматривая писемъ схватилъ еженедѣльныя листочки и побѣжалъ въ уголъ, чтобъ насытить пустое и нетерпѣливое свое любопытство. Нѣкто изъ собранія взялъ пукъ писемъ, дабы прочесть

надписи и раздать каждому. Первое попавшееся было къ Маркизѣ Монклеръ. Она не прочла еще половины онаго, какъ одинъ гнусистый и дребезжалый голосъ сдѣлалъ ей слѣдующїе два вопроса: не отъ Графини ли д'Озамбрюнъ это письмо? Какъ поживаетъ сїя любезная госпожа? — Я сидѣлъ хотя далеко отъ прочихъ, мало занимаяся происходящимъ, а еще менѣе заботяся о расказываемыхъ новостяхъ, а единственно углубился въ размышленїя мои; но при имени столь для меня драгоцѣнномъ, и какъ бы бомбою поразившемъ нечаянно слухъ мой, вскочилъ со стула и подбѣжавши къ Маркизѣ съ стремленїемъ, котораго не могъ преодолѣть, и которое безъ сомнѣнїя обратило на меня глаза всѣхъ, вскричалъ: какъ, отъ Графини д'Озамбрюнъ? — Но почувствовавъ потомъ свою глупость вдругъ остановился и кусая губы „такъ, сударыня, продолжалъ уже съ „меньшимъ жаромъ, пожалуйте извѣ„стите насъ о ея здоровьѣ; всѣ знаю„щїе ее, по одному только слуху, дол„жны искреннее принимать въ томъ „участїе.„ Маркиза покраснѣвши отъ перваго моего восторга и почти смѣшавшись отъ восклицанїя моего, от-

вѣчала: Графиня д'Озамбрюнъ весьма обязанною почитать себя должна за то, что незнакомые люди пріемлютъ въ ней участіе и безпокоятся о ея здоровьѣ, которое впрочемъ довольно изрядно; я не премину сообщить ей о сей благосклонной учтивости. Окончавши чтеніе письма вышла вонъ подъ видомъ, что имѣетъ приказать нѣчто относящееся до сборовъ своихъ въ дорогу. Отъѣздъ ея назначенъ былъ послѣ обѣда, я вышелъ также вскорѣ за нею, дабы въ паркѣ разсѣять мрачныя мои мысли и на досугѣ подумать о странномъ приключеніи со мною случившемся. — Ахъ! сказалъ я самъ въ себѣ, теперь дознаюсь я о тайномъ побужденіи уловляющихъ взглядовъ Маркизиныхъ; она безъ сомнѣнія другъ и повѣренная обладательница сердца моего. Она извѣстна, какъ о пожирающемъ меня пламени и о клятвахъ моихъ жить токмо для любви, такъ и о обѣщаніи моемъ прилѣпиться на весь остатокъ дней моихъ къ добродѣтели; а потому и захотѣли они съ общаго согласія испытать мою искренность и увѣриться, сколь я твердъ въ моихъ обѣщаніяхъ — вотъ, вотъ разрѣшеніе задачи, которую инако разрѣшить я

по сiе время не могъ, какъ презирая внутренно подавшую мнѣ къ тому поводъ. О, какъ бы я за свое отомстилъ, и какъ бы наказалъ обѣихъ, естьли бы держался твердо прежнихъ моихъ правилъ! — Но нѣтъ, я долженъ сердечно благодарить ихъ за безплодное покушенiе, которое безъ сомнѣнiя въ пользу мнѣ обратится у плѣнившей меня красавицы. Я долженъ благодарить ихъ за то, что недовѣрчивымъ своимъ поступкомъ подали они и мнѣ причину употребить хитрость, каковую внушаетъ мнѣ любовь для побѣжденiя жестокосердой. Дѣлая сiи утѣшительныя разсужденiя вошелъ я въ мое жилище, и будучи преисполненъ предметомъ своимъ, занялся я писанiемъ письма къ отсутствующей моей красавицѣ, въ коемъ самымъ трогательнѣйшимъ образомъ начерталъ всѣ напасти ею мнѣ причиняемыя. Лишь только окончилъ я любовныя свои жалобы, какъ позвонили къ обѣду, куда пришедши занялъ я свое мѣсто за столомъ, противъ хитрой моей присмотрщицы. — Вообразивъ безъ сомнѣнiя, что я узналъ цѣль прежняго ея поведенiя въ разсужденiи меня, и признавая себя конечно во глубинѣ сердца

виноватою (за шутку, которую сыграть со мною хотѣла, естьли бы дался я въ обманъ по оплошности) она потупила глаза въ тарелку, не осмѣливаясь обратить ихъ на меня во все время, боясь встрѣтиться съ моими и прочесть въ нихъ упрекъ, коего чувствовала, что была достойна; я же въ досаду ей устремилъ ихъ на нее неподвижно, и даже осмѣлился на нѣкоторыя издѣвки, коихъ притворилась не разумѣющею, или что не пріемлетъ ихъ на свой щотъ, понеже они остались безъ отвѣта. Вставши изъ-за стола, сколько я старался къ ней приближиться, столько она съ своей стороны удалялась отъ меня; однакожъ я напослѣдокъ завелъ съ нею рѣчь съ осторожностію, дабы кто не подслушалъ. — Жестокая! (сказалъ я ей съ полу-улыбкою), вы называетесь другомъ несравненной особы, которую невозможно безъ того узнать, чтобы не чтить добродѣтелей ея болѣе еще, нежели сколько обожать ея прелести! — Естьли бы я знала, государь мой! (Маркиза не могла произнести сей лжи не покраснѣвши, хотя ты часто говаривалъ мнѣ, что лицемѣріе есть господствующее свойство женщинъ), что

Графиня д'Озамбрюнъ вамъ знакома, то охотно бы поговорила объ ней съ вами. — Не окажете ли вы, сударыня, мнѣ милости, сказать ей, что вы оставили здѣсь человѣка осмѣлившагося засвидѣтелствовать ей свое почтенїе? — Охотно, государь мой! но прошу также съ своей стороны сказать мнѣ, давно ли вы познакомились съ моимъ другомъ? Ибо я не могу припомнить, чтобъ когда нибудь встрѣчалась у ней съ вами. — Одно щастливое произшествїе, которое стану благословлять во всю мою жизнь, доставило мнѣ случай оказать ей услугу, важную только по причинѣ нещастныхъ обстоятельствъ, и каковую всякой на моемъ мѣстѣ, но не съ такимъ можетъ быть удовольствїемъ, оказалъ бы ей равномѣрно. — Ахъ! это вы конечно подали ей столь къ статѣ помощь въ лѣсу; такъ, я имѣлъ сїе неоцѣненное щастїе. — Я обязана вамъ также за великодушное защищенїе такой особы, которая для меня очень драгоцѣнна, и признательно благодарю васъ за избавленїе меня отъ слезъ, которыя потеря сего достойнаго друга проливать бы меня заставила. — Я почитаю за великое себѣ щастїе, что Провидѣнїе покровитель-

ствующее всегда благїе и добродѣтельные существа, предопредѣлило меня для сего почтительнаго дѣйствїя, хотя я и не заслуживалъ, чтобы сохранить дни совершеннѣйшаго и наилучшаго въ свѣтѣ творения! (слово Провидѣнїе и благочестивой рѣчи моей оборотъ удивили Маркизу) прости мнѣ сїе простое изъясненїе: оно дивно изображаетъ изумленїе моей искусительницы, заставившей меня говорить языкомъ религии. Глаза ея казалось, хотѣли вопросить меня: возможно ли развращенному философу и повѣсъ, употреблять изъясненїя правовѣрнымъ токмо принадлежащїе? — А къ стати, слышали ли вы о вопїющемъ нечестїи, каковымъ гнусное пронырство дерзнуло очернить въ умѣ Государя невинное Графа д'Озамбрюна поведенїе? — Мнѣ помнится, что я нѣчто слышалъ о томъ; я также слышалъ, что всѣ признаки были противъ его. — Это правда, но напослѣдокъ составившїе сей адской заговоръ клеветники, открыты; Графъ д'Озамбрюнъ совершенно оправданъ, и хотя мѣсто убѣжища его неизвѣстно, но надѣются, что онъ скоро получитъ щастливую сїю новость и возвратится въ отечество свое

наслаждаться почестями праведно заслуженными.

Разговоръ сей продолжать помѣшали намъ особы прохаживающіеся также, какъ и мы въ паркѣ, которыя сошедшись съ нами пошли всѣ вмѣстѣ и стали говорить о дѣлахъ общихъ. Скоро потомъ Маркиза сѣдши въ карету, поѣхала сказавъ мнѣ, что она исполнитъ мое препорученіе. — Я возвратился также домой для разсмотрѣнія всего произшедшаго, а паче для обдуманія любовнаго вымысла вспавшаго мнѣ на умъ, и котораго успѣхъ увѣнчалъ мои надежды. Я на вѣрное о немъ тебя увѣдомлю; теперь уже такъ усталъ писавши, что пальцы мои оцѣпенѣли. Впрочемъ письмо сіе и безъ того уже длинно, а я не хочу употреблять во зло снисхожденія твоего и скучать тебѣ; зная, сколь минуты тебѣ дороги, не пристойно было бы отнимать оныя у тебя для такихъ дѣлъ, которыя ты ничего незначущими можетъ быть почитаешъ.

Изъ Парижа 27 Іюля.

ПИСЬМО XXI.

Отъ Графини къ Маркизѣ.

Для чего, снисходительный другъ мой, не пріѣхала ты сего утра? Ты однакожъ то мнѣ обѣщала. Когда бы ты сдержала свое слово, то можетъ быть избавила бы меня отъ слезъ проливаемыхъ мною. Пріиди ободрить меня противу могущаго случиться и угрожающаго нещастія; пріиди подкрѣпить колеблющуюся мою добродѣтель, и воспрепятствовать неминуемому, кажется, кораблекрушенію.

Ахъ! естьли бы знала ты, какою хитростью умѣлъ онъ открыть тайну моего сердца и исторгнуть у меня признаніе въ моей слабости! съ какимъ умомъ имѣю я дѣло! кто предохранитъ меня отъ сѣтей его? Увы! въ то самое время, какъ уста мои произносили на него жалобы, произносили на его проступокъ, сердце мое въ тайнѣ оправдывало его. Справедливо сказано, что мы всегда обманываемся въ первыхъ восторгахъ нашихъ страстей. Мы думаемъ назначить имъ границы [illegible]пень, но едва сдѣлаемъ первый ша[illegible] какъ и увлекаемся уже въ бездну.

Извѣстно тебѣ, что я твердо рѣшилась питаться любовію втайнѣ и единымъ только напоминаніемъ очаровательныхъ его чертъ довольствовать страсть мою, доколѣ благоугодно будетъ Богу премѣнить невольные чувствительнаго сердца моего движенія; не позволяя себѣ никогда не только того, что могло бы обнаружить ему мой пламень, но ниже подать подозрѣнія о любви, коею душа моя сгараетъ. Тщетные намѣренія, предосторожности безполезныя; поелику насмѣялась имъ любовь моя. Я все сказала, милая моя, призналась въ моей склонности, нѣжности; словомъ, во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ. Онъ уже знаетъ страшное сердца моего изступленіе; онъ можетъ, когда захочетъ, учинить меня нещастною, презрѣннѣйшею женщиною; и кто не постыдится перескочить первое огражденіе, то что уже можетъ удержать его? Проповѣдники, книги, собственный нашъ разсудокъ, а паче опытъ, не показываютъ ли намъ, что путь добродѣтели очень скользокъ; что естьли не можно совратиться съ прямой стези, то самомалѣйшій проступокъ стремительно повергаетъ насъ въ бездну, и тутъ уже

безполезна всякая предосторожность. — Чтобъ достичь на вершину горы, надлежитъ всходить тихо, надобно много имѣть усилія и отважности; но для схожденія съ нее нужно только спуститься, и тогда тотчасъ очутишся въ низу.

Пусть однакожъ не льстится онъ наслаждаться долговременно побѣдою своею, естьли будетъ столь низокъ, что захочетъ употребить во зло мою слабость! клянусь, и клятва сія не напрасною пребудетъ: клянусь, что ежели лишуся чести и собственнаго своего уваженія, то не стану больше жить; но какъ вторая Лукреція, въ отчаяніи своемъ, омою кровію моею развратнаго преступника.

Я не могу теперь сообщить тебѣ, что произошло сего утра между Маркизомъ и мною, а раскажу оскорбительныя того подробности при свиданіи. Пріѣзжай провести вечеръ съ нѣжнѣйшею изъ друзей твоихъ; она имѣетъ нужду въ кроткихъ твоихъ утѣшеніяхъ и въ пособіяхъ благосклонной твоей дружбы.

Изъ Парижа 26 Іюля.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.
